Ассоциация народных университетов еврейской культуры

БИБЛИОТЕКА ЛЕКТОРА

LIBRARY Выпуск 4(14) ספריה

2000

Лекции
Статьи
Методические разработки
Хрестоматии
Учебные пособия
Программы

Леонид Ашкинази

Первый президент

(Хаим Вейцман)

Лекция

Москва
2000

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Почему вообще имеет смысл изучать биографии «великих людей»? Кроме того, что это, попросту говоря, интересно, кроме того, что это эффективный способ изучения истории, культуры, психологии, да и многого другого, это еще просто полезно для нашей практической деятельности.

Во-первых, какие-то соображения, мысли, практические шаги «великих» можно непосредственно заимствовать. Во-вторых, мы можем получить подкрепление своим собственным мыслям, практическим шагам и т. д., в правильности которых мы не были уверены. В-третьих, сопоставляя свои собственные жизненные наблюдения с прочитанным, мы во многих случаях можем убедиться, что жизнь устроена закономерно, что события не случайны, что наши наблюдения не бесполезны. И, таким образом, укрепить себя в мысли, что жизнь надо наблюдать, что жизнь надо анализировать и понимать.

Изучать биографии «великих людей» имеет смысл. Причем изучать даже неоднократно — жизнь идет, наш опыт растет, задачи, стоящие перед нами, изменяются, и то, что не вызвало отклика в нашей душе год назад, вполне может привлечь наше внимание сегодня. Не говоря уж о том, что в историю приходят новые люди…

Леонид Ашкинази.

- Леонид Ашкинази
  -
  - 1. Детство и школа
  - 2. Запад и Герцль
  - 3. Женева и Манчестер
  - 4. Синтетический сионизм и канун войны
  - 5. Война и сионисты
  - 6. На службе Его Величества. Путь к Декларации
  - 7. Сионистская комиссия
  - 8. После войны
  - 9. Противодействие мандату и живая жизнь
  - 10. Арабский ответ и политика умиротворения
  - 11. Вторая мировая война и после нее
  - Приложение № 1
  - Приложение № 2
  - Литература
  - Summary
- notes

    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
- comments
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11

Леонид Ашкинази
Первый президент
(Хаим Вейцман)

Мы займемся биографией первого президента Государства Израиль Хаима Вейцмана. При изучении ее будем все время помнить три ранее приведенных довода. Повторим их: практическое применение, подкрепление наших мыслей, сопоставление наблюдений. Чтобы чтение книги и слушание лекций не стало приятным, но малоосмысленным времяпрепровождением. Надо, чтобы узнанное впиталось в нас, легло на наш опыт и сделало наше понимание мира яснее, а жизнь — интереснее. Приступим.

1. Детство и школа

Первый президент Государства Израиль родился не в Израиле, а в маленьком белорусском городке под названием Мотель, где проживало примерно 700 семей. Городок, больше похожий на деревню, по современной терминологии — поселок сельского типа. Шел 1874 год, в городке непролазная грязь и где-то далеко — остальной мир. Многим из нас будет трудно представить себе степень его оторванности от остального мира. Разумеется, и сейчас даже под Москвой можно найти грязь, достигающую середины гусениц трактора; но каждый знает, что Москва, равно как и все остальные российские города — есть. Знает, как до них добраться, и знает тех, кто это сделал и сейчас живет там.

А в городе Мотеле, в 1874 году, в самом, наверное, глухом углу черты оседлости, такое и присниться не могло. Попробуйте представить себе, что нет ни телевизора, ни радио, ни телефона, ни электричества, ни газет. Ах нет, простите… иногда в городок попадает газета из Варшавы, примерно месячной давности. А какая, собственно, разница — месячной или двухмесячной?

Городок жил лесоторговлей; отец Хаима был сплавщиком.

Как пишет Вейцман, «нас отделял от всех наш особый мир воспоминаний и надежд… Быт наш был глубоко пронизан еврейской традицией, Эрец-Исраэль упоминалась во всех ритуалах, и мысль о нашей Земле была неотделима от всей нашей жизни». Понятно, что не будь этой атмосферы, Хаим не вырос бы сионистом, а если бы он позже и обратился к сионизму, то стал бы совершенно другим сионистом. Например, более умеренным. Невозможно предугадать, как это сказалось бы на истории Государства Израиль и нашего народа, но вот что ясно.

Если мы хотим, чтобы в наших детях, когда они вырастут, что-то было, надо, чтобы это «что-то» было вокруг них, пока они растут. То есть, если мы хотим, чтобы они были культурными, мы должны быть культурны сами, если мы хотим, чтобы они были евреями, мы сами должны ими быть. Мы должны осознавать эту ответственность — наши повседневные действия определяют, какими будут наши дети и далее — будущее нашего народа. Конечно, не на сто процентов, но и одного процента достаточно, чтобы задуматься, не правда ли?

Вот что пишет Вейцман о своей матери: «Ей было уже за шестьдесят, когда разыгралась буря революции и гражданской войны. Только в 1921 году мне удалось перевезти ее вместе с братом Файвелом в Палестину. Я построил для нее дом на Хадар

ха-Кармел в Хайфе, где она жила вплоть до самой смерти (в восемьдесят семь лет). До самого конца мать сохраняла живость ума и хорошее расположение духа. Она ежедневно — без очков — читала молитвенник, принимала активное участие в деятельности дома для престарелых. Я думаю, что моментом ее величайшей гордости был день 1 апреля 1925 года, когда она сидела рядом со мной и моей женой на открытии Еврейского университета в Иерусалиме, на горе Скопус.»

Обратим внимание на то, что Хаим Вейцман упоминает о матери, когда речь заходит о величайшем триумфе его жизни — создании Университета в Иерусалиме. До Государства было еще далеко; но Университет, знания — это было для него очень важно. Он также говорит о знаниях, вспоминая об отце: «Сила влияния на нас отца удивляет меня всякий раз, когда я вспоминаю, как редко он бывал с нами. Наш отец был человеком образованным, но молчаливым и погруженным в свои дела. Он не верил в назидания и даже в наказания, но, может быть, именно поэтому, когда он что-нибудь говорил, слова его имели большой вес. В те редкие минуты, когда он был свободен от дел, он обычно читал. Его любимыми книгами были труды Маймонида, в особенности „Наставник колеблющихся“. „Шулхан Арух“ он знал наизусть. По субботам он иногда призывал к себе старших детей и обсуждал с ними прочитанное. Это происходило как бы случайно, чтобы мы не думали, будто обязаны слушать; наверно, поэтому все мы дорожили этими редкими беседами с отцом и считали за честь принять в них участие.

Отец не отличался особенно крепким здоровьем, но, пока мог, занимался своим тяжелым и опасным трудом. Он очень беспокоился о будущем своих детей и поэтому старался дать им наилучшее образование. Нас у него было двенадцать, и с его помощью (а также благодаря тому, что мы помогали друг другу) девять из нас окончили университет — дело по тем временам неслыханное».

К вопросу о важности знаний мы еще вернемся. А пока — в одиннадцать лет Хаим отправился в Пинск, поступать в русскую гимназию; он был первым уроженцем Мотеля, который пытался это сделать. Не было ли это проявлением его готовности пойти по новому пути? Возможно. Пинск — в смысле культуры — относился к другому слою реальности. В нем были еврейские ученые и общественные деятели, библиотеки, больницы. В Пинске были мощеные улицы…

В историческом плане для евреев это были времена реакции. После относительно мягкого правления Александра II начался откат — как это и бывает всегда после прогрессивных реформ.

«Временные правила» — антиеврейские предписания, опубликованные 3(15) мая 1882 года оказались более чем постоянными. Ограничения все расширялись. Ужесточение режима могло вызвать две прямо противоположные реакции — уныние и прекращение сопротивления и национальное пробуждение, возрастание активности. Трудно сказать, почему в данном случае началась именно активизация еврейской деятельности. Почему-то ужесточение режима в 30-е годы в Германии и послереволюционные гонения на евреев в СССР активизации не вызвали. Впрочем, первое можно объяснить высокой степенью ассимилированности германских евреев, второе — тем, что наиболее активная часть российского еврейства приняла участие в революции и в результате этого ассимилировалась или погибла.

В настоящее время большинство евреев диаспоры живет в демократических странах, и ожидать «ужесточения режима» не приходится. Но — особенно если мерить историческими масштабами — трудно сказать, как будет развиваться всемирная история. Не исключен и какой-то сдвиг демократических стран в сторону тоталитаризма — для противостояния фундаментализму третьего мира (лучше предсказать плохое и ошибиться, чем предсказать хорошее и… ошибиться). Словом, жизнь сложна, а история длинна (уж мы-то, евреи, это знаем), поэтому хотелось бы, чтобы евреи были готовы встретить превратности судьбы во всеоружии. Для этого, как показала история, нужно сочетание высокой активности (в русском языке есть такое словечко — «отмобилизованный») и низкая степень ассимилированности, высокое национальное самосознание. Да, активная еврейская молодежь должна видеть перед собой воодушевляющие задачи. Но это должны быть воодушевляющие еврейские задачи.

Еврейская молодежь России видела перед собой в те времена очень воодушевляющую задачу. Хаим Вейцман пишет: «Как в еврейских, так и в русских кругах нарастало глубокое недовольство, вызванное репрессиями и общим спадом русского либерализма. В еврейской среде национальное пробуждение шло по двум направлениям: революционному, смыкавшемуся с общерусскими настроениями, и сионистско-националистическому. Последнее, однако, было также революционным и демократическим. Еврейские массы не принимали „отеческого“ покровительства своей „знати“ — богатых и влиятельных евреев, претендовавших на то, чтобы представлять общееврейские интересы перед государством. Позиция богатых, даже при самых лучших побуждениях, была классовой — она диктовалась вполне понятным страхом перед

какими бы то ни было изменениями существующего порядка, в результате которых могли быть поставлены под угрозу те привилегии, которые они имели благодаря своему экономическому положению. В народных же глубинах зарождалось еще неясное, смутное, неоформленное стремление к национальному самоосвобождению. Стремление это было истинно народным: оно было проникнуто еврейской традицией и связано с воспоминаниями о древней земле, где еврейская жизнь впервые свободно себя выразила. Это было, можно сказать, зарождение современного сионизма».

Вейцману повезло — он сумел получить образование до введения «процентной нормы». Жить будущему президенту было трудно — как большинству евреев России. Учеба, поиск заработка, экзамены, уроки… Именно здесь Хаим впитал любовь к науке и приверженность сионизму. Но — как он пишет в своих воспоминаниях — «эти две сферы моей жизни никак не соприкасались одна с другой». Заметим, что во всей жизни Вейцмана прослеживаются эти две линии — наука и сионизм. Соприкасались ли они? Да, причем двумя равно важными способами. Во-первых, работа в науке и технике имела своим следствием определенное положение в обществе, престиж, круг знакомств. Во-вторых, наличие независимого источника доходов делает человека более независимым в суждениях и действиях — что и показала вся жизнь Вейцмана.

Кстати, в истории еврейского движения в России (легального периода) эти два фактора тоже сказались, но более сложным образом. На этапе 1990–1998 годов связи не имели большого значения, кроме того, занятия наукой и не были особенно престижными. А люди того уровня, на котором престиж возникает (академики) в еврейское движение ввиду своей ассимилированности не шли. А вот наличие независимого источника дохода на поведении людей действительно сильно сказывалось, и по мере профессионализации еврейского движения люди с независимыми источниками дохода из него уходили. На втором этапе, когда крупные российские бизнесмены еврейской национальности восприняли западную модель организации еврейской общины и попробовали ее реализовать, они обратились к видным ученым и артистам еврейского происхождения, еще проживающим в России, и привлекли их к несению представительских функций. Созданные таким способом организации оказались связаны с евреями слабее, чем организации первой легальной волны, но пользы евреям приносили больше — поскольку располагали какими-то средствами.

Различия между евреями «разных сортов» были в еврейском мире России конца XIX века еще резче, чем в нынешнем — почти все еврейские магнаты были антисионистами. Эта ситуация, как пишет Вейцман, сохранилась к моменту написания его книги, к 1948 году. Мы хорошо знаем, что сейчас она изменилась. Хотя, например, Сорос заявляет, что он не дает Израилю денег. Разумеется, не может ни человек, ни страна нравиться всем; но все же интересно было бы понять, что движет американским евреем венгерского происхождения господином Соросом, вкладывающим деньги в Россию — страну, где рисуют свастики на домах евреев и надгробиях, и не помогающим Израилю и евреям диаспоры?

Различия — различиями, а работать надо. И тогдашние сионисты понемногу проникали в Палестину, покупали землю (через подставных лиц или за взятку, т. к. в Турции существовал запрет на покупку земли евреями), строили свои дома (чаще всего — хибары). Разумеется, ассимиляторские настроения имели, как говорится, место. Хаим Вейцман пишет: «Это не означает, будто в тогдашнем еврействе все поголовно были сионистами и не существовало никаких ассимиляторских настроений. В определенном смысле и мы, сионисты, не были равнодушны к русской цивилизации и культуре. Думаю, можно даже сказать, что мы говорили и писали по-русски и знали русскую литературу гораздо лучше многих русских. Однако сердцем и душой мы принадлежали нашей собственной культуре, и нам никогда бы не пришло в голову изменять ей ради иной культуры. Мы боролись с ассимиляторством „на его собственной территории“, но, если можно так выразиться, современными методами. У нас были свои издания и свои авторы. Мы читали ивритские газеты и еженедельники — „Ха-цфира“, „Ха-мелиц“ и „Ха-шахар“; читали Смоленскина и Пинскера, Могилевера и Ахад ха-Ама (Ахад Гаам), этих выразителей идей Хиббат-Цион»{1}[1]. Не правда ли, это звучит вполне актуально и сегодня?

2. Запад и Герцль

После окончания школы перед Хаимом возник вопрос — что делать дальше? Можно было попытаться пролезть в щелку процентной нормы. Не факт, что это бы удалось, и вдобавок его чувства по отношению к царской России… все это хорошо понятно. Вейцман двинулся на Запад.

Он в Германии, в Дармштадте. Созерцает жизнь немецких ассимилированных евреев и плюется, наблюдает немецкий антисемитизм и его отличия от антисемитизма российского (он считает немецкий более опасным, увы, он оказался хорошим пророком…). Позже он попадает в Берлин и там обнаруживает большую колонию русских евреев-студентов. Вот что пишет Вейцман об этом явлении: «Эти студенческие колонии были характерной и интересной чертой жизни Западной Европы того времени. В Берлине, Цюрихе, Женеве, Мюнхене, Париже, Монпелье, Нанси, Гейдельберге молодые русские евреи, изгнанные из родного края преследованиями, дискриминацией и духовным голодом, составляли обособленные и легко отличимые группы. Девушек среди них было почти столько же, сколько юношей, иногда даже больше. Самой популярной профессией была медицина, ибо она наиболее ощутимо обеспечивала средства к существованию, а кроме того, ассоциировалась с идеями социального долга, служения народу и просветительства. За ней следовали инженерное дело и химия; юриспруденция же была на третьем или четвертом месте. Подобно мне, многие из этих студентов еще не решили окончательно — вернутся они после обучения в Россию или останутся на Западе. Они и становились бунтарями, почти все без исключения, эти дети солидных, уважаемых, серьезных хозяев средней руки, воспитанных на еврейской традиции, инстинктивно либеральных, питавших честолюбивые планы в отношении своих детей. А те только и думали, как бы разорвать оковы прошлого. Многие из этих молодых людей дома получили неплохое образование; говорили они на идиш, читали на иврите или, по крайней мере, были знакомы с этими языками.

Первый поток этих студентов появился в самом начале царских репрессий против евреев в восьмидесятые годы. В мои дни студенческие колонии уже вполне сформировались; у них сложились свои традиции и свой облик. Они были настроены по-своему революционно, при этом революционность их была специфически русской, что для евреев означало необходимость отхода от еврейства. Это была очень странная ситуация: чтобы

влиться в революционное движение, еврейский студент в Западной Европе должен был совершить насилие над своими привязанностями и пристрастиями, притворяться, будто он не поддерживает никаких национальных или культурных связей с собственным народом. Это и было притворством…».

Заметим, что эта дилемма — становиться революционером вообще или быть только «еврейским революционером» — возникала перед евреями России не раз. В 1917 году многие пошли в революцию, и хоть вряд ли они существенно приблизили торжество большевизма, но мы-то расплачиваемся за них и по сей день. В 60 — 70-е годы этот вопрос для некоторых опять стал актуален — идти в «общие» правозащитники или в еврейские (преподавание языка и традиции, религиозная активность, выезд) [2].

Ну, а в Берлине произошло следующее. Группы наиболее сознательных сионистов из числа евреев-студентов западных университетов начали организовываться в общества и понемногу бороться с ассимиляторством. Понятно, что формой борьбы были в основном дискуссии, а результатом — обращение противников в сторонников.

В Берлине Х.Вейцман познакомился с Ахад ха-Амом, одним из выдающихся еврейских мыслителей того времени. Для него сионизм означал духовное возрождение. Поселенческая деятельность сионистов, их политическая программа имели для него смысл лишь как часть общей деятельности по перевоспитанию, «дегалутизации» еврейского народа. Вейцман пишет об Ахад ха-Аме с огромным уважением, хотя сам придерживается иных позиций. Умение увидеть, что другой человек, с другой идеологией работает на то же дело, на которое работаешь ты — важное умение. Будущий президент Израиля был им вполне наделен. Ценит он подобную широту мышления и в других, в частности, он пишет, что сам Ахад ха-Ам «был чужд всякому негативизму».

К этому времени относится начало и практической еврейской работы юного студента. Он посещает деревни и местечки вокруг Пинска, призывает евреев записываться в Ховевей Циом, избирать делегатов на Первый сионистский конгресс, покупать акции Еврейского Колониального Банка. С годами район, порученный ему местным комитетом, расширился. Изменился и характер его оппонентов — в более крупных городах (Вильно, Киев, Харьков) он столкнулся с ассимилянтами. Эти российские интеллигенты-ассимилянты стремились стать действенной, революционной силой. Их кумирами были Толстой и Короленко, их ассимиляция «не выглядела так нелепо и недостойно, как это было у немецких

евреев, но она все равно была трагической ошибкой».

В ходе этой работы, в ходе этих дискуссий вырабатывалась политическая философия, навык политической пропаганды и устанавливались личные контакты. Все это скоро потребуется… А между тем во второй год пребывания Вейцмана в Берлине Т. Герцль опубликовал свою знаменитую брошюру «Еврейское государство». Восприятие этой работы ее современниками довольно любопытно. Вот что пишет Вейцман по этому поводу: «В принципе, в этой брошюре не было ни одной идеи, которая была бы для нас открытием; то, что так напугало еврейскую буржуазию и вызвало негодование раввинов на Западе, давно уже было само собой разумеющимся в нашей сионистской концепции. Мы обратили также внимание на то, что Герцль в згой брошюре ни разу не сослался на своих предшественников — Мозеса Гесса, Леона Пинскера и Натана Бирнбаума-автора термина „сионизм“. Судя по всему, Герцль не знал о существовании движения Хиббат-Цион; он не упоминал о Палестине; он игнорировал значение иврита.

И все же эффект, произведенный „Еврейским государством“, был огромен. Нас увлекли не столько идеи, сколько стоявшая за ними личность. Она казалась воплощением мужества, ясности ума и решимости. Привлекало то, что этот западный еврей, свободный от наших собственных предрассудков, обращался к нам.

Реакция на брошюру Герцля нашей группы в Берлине не была чем-то исключительным. Венская сионистская студенческая группа „Кадима“ реагировала едва ли не восторженнее нашего. Сионистские группы существовали также в университетах Монпелье, Парижа и других городов; первая поддержка пришла к Герцлю именно с их стороны.

Наше первое впечатление оказалось правильным. „Еврейское государство“ знаменовало собой появление не столько исторической концепции, сколько исторической личности. Сама по себе эта брошюра была бы недолговечной сенсацией. Великим имя Герцля сделала его деятельность как создателя Сионистского конгресса и человека, преподавшего своим соратникам образец мужества и преданности делу.»

Надо признать, что анализ эффекта работы Герцля, сделанный Вейцманом, довольно поверхностен. Если дело не в появлении исторической концепции, то в чем? Последующая деятельность Герцля показала, что его харизма плохо действует на сильных мира сего, существенно более важным оказались созданные им организации. А это могло произойти только в том случае, если почва для их создания уже была подготовлена, если

общественное сознание было готово воспринять идеи и формулировки Герцля как свои. Другое дело, что Герцль не знал (или не считал нужным указывать) своих предшественников, но сейчас это уже не имеет значения.

Так или иначе, Герцль оказался «в нужный момент, в нужном месте». В значительной мере именно в этом состоит искусство политика. Явиться в момент, когда ситуация неустойчива, крикнуть из зала «есть!» (позже ленинский выкрик стали цитировать как «есть такая партия») и войти в историю. Конечно, не только в результате этого крика, но — изучая события спустя почти век — видишь: и в результате него. Сам Вейцман брал другим — упорством, настойчивостью, работоспособностью, и, как мы позже увидим — тонким «чувством собеседника», пониманием его мотивов. Это свойства не пророка, не трибуна, это свойства политика несколько иного типа. Грубо говоря, не президента, а министра иностранных дел.

Раз уж мы заговорили о Герцле — а это второй великий еврей (после Ахад ха-Ама), встреченный в жизни Вейцманом и, видимо, последний, оказавший на него заметное влияние — то обратимся к двум важным различиям между ними.

Обычно говорят, что Герцль — западник, а Вейцман — «восточник». Он-де знал хорошо только галутное российское еврейство. Мы позже увидим, что это не совсем так. Действительно, Вейцман вышел из недр восточного еврейства, он знал его лучше Герцля. Но и с западными евреями, и с западными людьми вообще Вейцман общался вполне эффективно. Скорее всего, потому, что половину своего образования он получил на Западе. Отсюда мораль номер один — если мы хотим, чтобы наши дети могли свободно выбирать свой жизненный путь, они должны получать не только российское образование. Далее, мораль номер два — полезно, когда на одном направлении работают люди с разными взглядами и разным подходом (если, разумеется, они не работают против дела). Заметим, что Вейцман и Ахад ха-Ам, Вейцман и Герцль хорошо дополняли друг друга. Они уделяли основное внимание разным сторонам сионистской деятельности. Но как мы теперь понимаем (а самые умные люди, наверное, понимали это уже тогда), работали на одно общее дело. Ахад ха-Ам был за духовное возрождение, Герцль — за мандат, Вейцман за каждый дунам земли и каждый коровник на ней. Как вы думаете, возникло бы Государство Израиль, если бы чего-то из этого списка не оказалось в наличии?

Заметим, что степень готовности еврейского общественного сознания к восприятию сионистских идей оценить легко. Совершенно утопические (хотя и возвышенные) идеи Макса

Нордау о переселении в Палестину в течение 10 лет 10 миллионов евреев (по 1 миллиону в год) были многими восприняты вполне позитивно, *а* позже даже стали частью политической программы сионистов — ревизионистов.

После трех лет учебы в Берлине Хаим Вейцман отправился в 1898 году во Фрейбург для завершения доктората. В этом городе было мало студентов-евреев, но зато очень большая русско-еврейская (сейчас бы мы сказали «русскоговорящая») студенческая колония нашлась в Берне, в часе пути. Это тот самый Берн, который вошел в Российскую историю, как гнездо Плеханова, Троцкого и Ленина. За плечами многих бернских революционеров был опыт борьбы с царизмом, Сибирь, ссылка и т. д. Проблема — еврей против революционера, а точнее — еврейский революционер против ассимилянта-революционера — возникла опять. Вот что пишет об этом Вейцман: «Мое неприятие Ленина, Плеханова и высокомерного Троцкого было вызвано тем презрением, с каким они смотрели на любого еврея, которого волновала судьба его народа и воодушевляла еврейская история и традиция. Они не могли понять, как это русскому еврею может хотеться быть евреем, а не русским. Они считали недостойным, интеллектуально отсталым, шовинистическим и аморальным желание еврея посвятить себя решению еврейской проблемы. Они относились с подозрительностью к людям, подобным Хаиму Житловскому, который был одновременно революционером и националистом. Когда был создан Бунд, эта еврейская ветвь русского рабочего движения, национальная и одновременно революционная по характеру, Плеханов язвительно заметил, что „бундовец — это сионист, который боится, что его укачает во время переезда в Палестину“. Таким образом, многие еврейские студенты из России в Швейцарии были вынуждены отречься от своего Я.

Наше первое организационное собрание состоялось в дальней комнате библиотеки русской колонии, и проводили мы его стоя, потому что „те“, прослышав о нашем намерении, заблаговременно вынесли из комнаты всю мебель. Вот так, стоя, мы основали первое в Швейцарии студенческое сионистское общество, которое назвали „Ха-шахар“, после чего решили перейти к открытой борьбе.

Само объявление о создании нашей группы вызвало скандал: как же, выступление „реакционной буржуазии“! Колония кипела, предпринимались попытки принудить нас к подчинению. А мы вопреки всему этому созвали массовое собрание еврейских студентов в надежде увеличить число членов нашей группы».

Между прочим — мелкая, но забавная деталь — в этом

собрании на стороне студентов-сионистов выступил специально приглашенный ими для этого «молодой и одаренный оратор-сионист Мартин Бубер». А мы-то думали, что он был философ, кабинетный ученый и т. д. Или это были времена, когда кабинетные ученые выходили на трибуны?

Ну, а дальше события развивались естественным путем — группа молодых активистов начала завоевывать симпатии молодежи и теснить стариков. Во-первых, Герцль не мог увлечь молодежь как в силу разницы в возрасте и темпераменте, так и в силу различий в культуре. Герцль плохо знал российское еврейство, а оно составляло существенную часть этой молодежи. Роль Герцля, полагавшегося на дипломатическую деятельность, в значительной мере состояла в том, что он готовил мировое общественное мнение и сильных мира сего к восприятию самой проблемы. К восприятию, в конце концов, евреев как субъектов (не объектов!) еврейской политики. Так что Вейцману — и он, наверное, это понимал — отчасти расчистил дорогу и Герцль. Другое дело, что эта дорога оказалась из одних завалов… Но без Герцля она могла бы оказаться вовсе непроходимой. Политические лидеры и общественные движения действуют не только параллельно, но и последовательно. Пусть это утешит тех, кто сошел со сцены.

3. Женева и Манчестер

Одна из проблем, в обнимку с которой Вейцман прожил всю жизнь — это совмещение научно-инженерной и общественной деятельности. Он был химиком, автором более 100 патентов — что уже говорит о многом. Позже мы узнаем и еще кое-что о его работах. Проблема совмещения профессиональной и общественной деятельности возникает время от времени и перед другими еврейскими деятелями. Случай Вейцмана относительно прост — его химические работы были чрезвычайно важны для Англии. Это открыло ему путь в такое общество, в такие кабинеты, куда бы иначе он не попал, а если бы и попал — то в роли просителя, а не партнера. Но дело не только в этом. Научная и инженерная деятельность вырабатывают ясность мышления, привычку уважать себя и партнера и требовать уважения к себе. Согласимся, что все эти качества необходимы любому политику, а еврейскому политику тех лет (когда евреи были просителями) — в особенности. Но занятия наукой имеют и недостаток. Ученые часто бывают недопустимо категоричны в своих суждениях и недостаточно гибки. В Вейцмане, по-видимому, эти недостатки проявлялись в малой, а достоинства — в большой мере. Ну что ж, нам повезло…

А пока что доктор Вейцман жил в Женеве и занимался химией и, естественно, сионизмом. Причем именно на этом участке своей биографии — больше сионизмом. В это время на Четвертом сионистском конгрессе был основан Еврейский Национальный Фонд. Все мы знаем, какую важную роль он сыграл в дальнейшем. Именно в те годы было основано в Женеве первое сионистское издательство и журнал. Как мы видим, сионистское движение с самого начала придавало большое значение печатному слову. Для евреев это, конечно, естественно; все мы знаем, какую роль сыграла, например, в советском еврейском движении «Библиотека Алия»[3].

Именно в это время начала широко обсуждаться идея создания Еврейского университета в Палестине. Идея, опять же, для евреев более чем естественная. Особенно если вспомнить один из ключевых пунктов нашей истории. Помните — «дай мне Явне и его ученых». Вполне возможно, что выговорив себе у Тита университет в Явне, рабби Иоханан бен Закай{2}[4] спас иудаизм после разрушения Храма. И еще одно важное событие произошло в эти годы — Хаим познакомился с ростовчанкой Верой Хацман, своей будущей женой. Вот что он об этом пишет: «Поначалу мы встречались довольно редко, ибо оба были поглощены учебой, но

при каждой встрече я пытался пробудить в ней интерес к волновавшим меня проблемам. Сперва мне казалось, что она на многое реагирует спокойнее меня — да так оно в какой-то степени и было. Но со временем я начал понимать, что за ее внешним спокойствием скрывались глубокие чувства, незаурядный характер и понимание; эти качества, привлекательные сами по себе, внушали мне уверенность, что я нашел в ней не только будущую жену, но и товарища, друга, помощника. В какой мере оправдалась эта уверенность, показало будущее; могу только сказать, что во всех перипетиях моего довольно беспокойного существования она всегда умудрялась организовать нашу жизнь так, что я ощущал за собой надежный и, насколько это было возможно, безопасный тыл».

Конец пребывания Хаима Вейцмана в Женеве совпал с тяжелым периодом в жизни русского еврейства, с разочарованием в сионистских рядах, вызванных Планом Уганды{3}[5] и смертью Герцля. К тому же ужесточилось преследование евреев царской властью. Этому способствовала повышенная революционная активность еврейской молодежи на фоне общего антисемитизма.

В марте 1903 года Вейцман совершает поездку по России, пропагандируя идею создания Еврейского университета и занимаясь сионистской пропагандой вообще. Вейцман проехал по всей черте оседлости, потом побывал в Ростове-на-Дону, Баку, Санкт-Петербурге. В своих воспоминаниях он описывает свои впечатления, тепло пишет о людях, с которыми общался. Заметим, о своих знакомых, коллегах, даже об оппонентах и противниках он пишет хорошо.

Когда Х. Вейцман находился в Варшаве и уже собирался ехать в Женеву, произошел Кишиневский погром. Вейцман вернулся в Россию и занялся организацией групп самообороны. Когда же он наконец прибыл в Женеву, он — как сам пишет — «был совершенно подавлен; мои научные занятия казались мне бессмысленными… печать панических настроений, ставшая лишь более заметной после Кишиневского погрома, лежала на сионистском движении уже в течение ряда лет. Мысль о „немедленном решении“ преследовала нас на каждом шагу, отвлекая от трезвого анализа и насущных действий».

Тем более важно и показательно, что и в этой обстановке он действовал разумно и взвешенно. Вейцман направляет подробный отчет со всесторонним анализом ситуации Герцлю. Тот, действуя в рамках своей тактики, добивается встречи с Плеве, «палачом Кишинева». После этих переговоров Плеве издает ряд декретов, направленных на полное подавление сионистской деятельности. По-видимому, еврейская дипломатия зашла в некоторый тупик.

На Шестом сионистском конгрессе Герцль выступил с известным Планом Уганды. Вот что пишет Вейцман по этому поводу: «Как могло случиться, что Герцль всерьез был готов на такую подмену сути целей сионистского движения? Это было логическим следствием его интерпретации сионизма и его понимания той роли, которую движение должно было сыграть в жизни евреев. Для Герцля и многих, кто следовал за ним, — может быть, даже для большинства еврейских представителей, собравшихся в Базеле, — сионизм означал немедленное решение проблем, угнетавших наш глубоко измученный народ. Если он не давал такого решения, то, по их мнению, он вообще ничего не давал. Это представление было одновременно и упрощенным, и наивным, и чрезмерно идеалистическим. Большие исторические проблемы не имеют немедленных решений. Можно лишь двигаться по направлению к таким решениям. Герцль, наш руководитель, придерживался противоположного мнения, и ему суждено было пережить разочарование. Герцль побывал в России и увидел черту оседлости и страдания ее жителей. Отчаявшееся еврейство повсюду встречало его как своего избавителя, и теперь он чувствовал себя обязанным как можно скорее помочь русскому еврейству. И поскольку Палестина в данный момент была недоступна, он не считал возможным ждать, ибо волна антисемитизма росла с каждым днем и, по его собственным словам, „нижние этажи еврейского дома были уже затоплены“. Случись что-нибудь — и может просто не хватить евреев, чтобы возродить Палестину. Поэтому британское предложение — это дар Божий; оно приспело как раз вовремя, как та самая соломинка для утопающего. Было бы жестоко и неразумно отвергнуть шанс, который может никогда не повториться».

Обратите внимание, как сочувственно и справедливо Вейцман пишет о своем идейном враге, как объективно объясняет его позицию. Понимая, что поддержка Плана Уганды весьма проблематична, Герцль предложил всего лишь направить в Уганду комиссию для анализа обстановки… Формально Конгресс поддержал это предложение даже после яркого антиугандийского выступления Вейцмана. Но против голосовали делегаты от России; делегаты Кишинева отвергли этот план единогласно. Разумеется, в такой ситуации ничего конкретного предпринято не было. В следующем году умер Герцль, а через год, на Седьмом сионистском конгрессе, эта идея была отвергнута окончательно. Вейцман пишет, что Шестой конгресс многому его научил… еще раз убедил его в важности принципа «естественного развития». После Шестого конгресса Вейцман едет в Англию — он хочет сам разобраться в том, что крылось за Планом Уганды. Он

встречается с различными общественными деятелями и официальными лицами, еврейскими и английскими. Об одном из своих контактов Вейцман рассказывает следующее: «Лорд Перси был первым английским государственным деятелем, с которым мне довелось встретиться. Он был, несомненно, хорошо информирован. Он много расспрашивал меня о сионистском движении и был несказанно удивлен, узнав, что евреи рассматривали всерьез План Уганды, который ему представлялся, с одной стороны, совершенно непрактичным, а с другой — противоречащим еврейской религии. Он, глубоко религиозный человек, был ошеломлен тем, что евреи вообще могли помыслить о том, чтобы предпочесть Палестине какую-либо другую страну».

Из воспоминаний Вейцмана видно, насколько существенной для планов сионистов оказалась высокая религиозная культура некоторых англичан. Культура не показная, а истинная. Члены правительства, люди, обладающие реальной властью, руководствовались в своих действиях положениями Библии — по крайней мере, некоторые из них. В частности, они полагали, что евреи имеют право на землю Израиля. Разумеется, таких взглядов придерживались не все (кто же не знает, что творилось позже, когда та же Англия не пропускала корабли с беженцами), но ведь не будь тех, кто придерживался — на сколько лет позже возникло бы Государство Израиль!

Во время жизни в Женеве Вейцман забросил свои научные занятия, занимался только общественной деятельностью и работал на износ — как он пишет, «без особой пользы как для сионизма, так и для моей научной карьеры. Наше движение, казалось мне, зашло в тупик. Чтобы приносить хоть какую-то пользу, следовало вернуться к химии и терпеливо ждать перемен в сионистском движении». Обратите внимание, как разумно и эффективно он распоряжается собой, своими силами и временем!

Решив обратиться на некоторое время к любимой науке, он перебирается в Манчестер — центр химической промышленности; там находится и университет, химическая школа которого имела хорошую репутацию. Какое-то время пошло на оборудование лаборатории. Через некоторое время университет выделил ему двух ассистентов, потом еще одного… работа шла успешно, он начал выполнять исследования по заказу одной фирмы, потом университет допустил Вейцмана к чтению лекций, установил ему исследовательскую стипендию. Словом, это была нормальная тяжелая жизнь профессионала без знания языка и без больших амбиций, адаптирующегося в новую среду. Впрочем, с самого начала работающего по специальности.

Однако он тоскует по сионистской деятельности. Причем

сионистские круги Манчестера занимаются только светскими разговорами. Между тем в России наступила послереволюционная реакция. Пришел 1906 год. Естественно, с погромами. Происходила некоторая эволюция и в сионизме. Понимание того, что План Уганды не был реален, что сионистское движение не может ставить себе иной цели, нежели Палестина, постепенно набирает сипу. Вейцман начинает сближаться с английскими сионистами.

В начале 1906 года произошло очень важное событие. Вот что говорит об этом Вейцман. В то время в Англии происходили всеобщие выборы. Одним из кандидатов от Манчестера был лорд Бальфур. В разгар предвыборной суеты и шумихи Бальфур по просьбе Дрейфуса согласился принять меня. Видимо, ему было интересно встретиться с евреем, который выступил против Плана Уганды.

Помню, что Бальфур сидел, вытянув перед собой ноги, и сохранял невозмутимое выражение лица. Мы сразу же заговорили о проблемах сионизма. Он спросил, почему некоторые сионисты так резко возражают против Плана Уганды. Британское правительство искренне хочет чем-нибудь облегчить страдания евреев; вопрос этот чисто практический и требует такого же практического подхода. В ответ я произнес, как мне помнится, целую речь о смысле сионистского движения. Я сказал, что основой сионизма является глубокое религиозное чувство, и чувство это связано с Палестиной, и только с ней. В этом смысле отказ от Палестины был бы равносилен возврату к идолопоклонству. Неожиданно для самого себя я спросил: «Мистер Бальфур, если бы вам предложили Париж вместо Лондона, вы бы согласились?» Он выпрямился в кресле, посмотрел на меня и сказал: «Мистер Вейцман, но Лондон — это же наш город!» «Вот именно, — воскликнул я. — А Иерусалим был нашим, когда на месте Лондона еще расстилались болота».

Из встречи с Бальфуром Вейцман, как он пишет, сделал два вывода. Первый — несмотря на многолетнюю сионистскую пропаганду, английские политики имеют слабое представление о сионизме. Второй — если кто-то сумеет им ясно изложить проблему Палестины, он сможет заручиться их поддержкой.

Между тем Вейцман женится, начинается семейная жизнь. Ребенок… Проблемы… Своим семейным делам этого периода доктор Вейцман уделяет целых две страницы в книге «Испытания и ошибки» («Trial and Error») — примерно полпроцента объема. Кстати, в русском переводе она называется «В поисках пути». По-видимому, редактор перевода думал, что он выразил мысль Вейцмана более точно. Вейцман начинает все более активно

заниматься сионистской деятельностью. Он ездит с лекциями по провинциальным общинам, отвечает на вопросы, участвует в дискуссиях. Он общается, учит, распространяет знания. Нам, евреям, всегда не хватает знаний. Нам всегда нужны те, кто их распространяет. Одновременно он успешно ведет работу, знакомится с многими интересными людьми. Характерно, что в своих воспоминаниях он отводит им довольно много места, причем его рассказ о них содержателен и доброжелателен.

4. Синтетический сионизм и канун войны

В это время конфликт между «угандистами» и «классическими сионистами» затух и двумя ветвями сионизма стали — «политический» и «практический». Политические сионисты считали, что надо добиваться Палестины путем декларации своих прав; а дать Палестину евреям должны великие державы, предварительно забрав ее у Турции. Практические сионисты полагали, что Палестину надо осваивать «дунам за дунамом, коровник за коровником» и что только это придаст вес политическим декларациям. Кроме того, они полагали, что практическая деятельность упрочит еврейское самосознание, поможет возрождению языка, увеличит интерес к истории и привязанность к иудаизму. В некотором смысле различия двух этих полиций были связаны с психологией — политический сионизм проповедовали западные сионисты, приученные соблюдать законы, а практического сионизма придерживались восточные сионисты, приученные выживать любым способом. Впрочем, два эти направления понемногу сближались. В речи на Восьмом, сионистском конгрессе в 1907 году Вейцман предложил некоторую общую программу и название «синтетический сионизм». Программа была принята.

В этом же году Вейцман впервые посещает Палестину. «Как часто бывает в подобных случаях» — пишет он в своих воспоминаниях — «встреча оказалась совсем не такой, какой она представлялась в мечтах». Это была пустынная страна, один из самых заброшенных уголков убогой Оттоманской империи. Все население составляло 600 тысяч человек. Из них около 80 тысяч евреев. Поселения, за исключением немногих, находились в убогом состоянии. Было, впрочем, и несколько поселений сионистского типа — т. е. таких, какими их хотели видеть сионисты. Вейцман убедился, что возможности — даже с учетом всех политических и административных препятствий — были огромные, недоставало только желания. Как пробудить его? Как подтолкнуть процесс?

Готового рецепта, по-видимому, не было. Была работа. Вот что пишет Вейцман о ее результатах: «К 1914 году еврейское население Палестины увеличилось с 80 до 100 тысяч человек, а число сельскохозяйственных рабочих — с 500 до 2000. Объем работы Палестинского бюро вырос в 30 раз. Мы основали еврейскую национальную библиотеку в Иерусалиме и Технион

(Политехнический институт) в Хайфе; наша гимназия привлекла большое число еврейских учащихся из-за границы, что означало приток иностранной валюты в страну. Но не так важны были все эти несомненные свидетельства прогресса, как важен был значительный перелом в настроениях всего ишува. Мы не только создали новые поселения, такие, как Кинерет и Дгания, но сумели проникнуть в старые, организовав там молодежные группы. Существование двух тысяч еврейских земледельцев в Палестине вдохновляло на приезд молодых евреев из-за рубежа. Сельскохозяйственный труд был тем фактором, который помогал евреям абсорбироваться в новой жизни. Изменения, произошедшие в старых европейско-палестинских поселениях в результате притока еврейской молодежи из Европы, повлияли и на сефардские общины и вызвали, в свою очередь, приток йеменских евреев из Аравии.»

Параллельно с сионистской деятельностью Вейцман занимается наукой, и довольно продуктивно — он публикует много статей, читает новые курсы, у него уже есть отдельная собственная лаборатория. Интересно — и он сам отмечает это в своих воспоминаниях — что периоды успешной сионистской деятельности и успешной работы у него совпадают. Естественно, что успех в одной сфере деятельности возбуждает, воодушевляет человека и увеличивает его успехи в другой сфере.

К этому же времени относятся первые практические шаги, которые в итоге привели к созданию Еврейского университета в Иерусалиме. В повестку дня сионистского конгресса этот вопрос был включен в 1913 году. Тогда же начали поступать первые взносы. Вейцману было поручено организовать Университетский комитет, было подыскано место для строительства и куплен участок на горе Скопус. В это же время происходят события, которые привели к открытию Техниона в Хайфе. Сионисты участвуют в них, отстаивая необходимость преподавания на иврите. Особенно противились этому, как пишет Х.Вейцман, «руководители немецкого еврейства». Он делает из этого вот какой вывод: «Это заседание правления Техниона, сколь бы незначительным ни казалось оно на фоне международных событий, окончательно убедило меня в неизбежности войны. На меня произвело удручающее впечатление это проявление жестокой решимости немцев расширить свою сферу влияния любой ценой и за счет кого угодно.

Странно, однако, что эти предчувствия ни у кого из нас так и не приобрели формы отчетливого понимания событий. Мы ощущали, что война неизбежна, но думали, что она произойдет „где-нибудь“ и „когда-нибудь“, но не здесь и не сейчас. А здесь и

сейчас, казалось нам, катастрофу удастся как-то предотвратить, удастся избежать неизбежного».

Из этого можно сделать два вывода. Первый — надо лучше прислушиваться к своим предчувствиям, пытаться понять, что откуда взялось, и делать выводы. Второй — евреи, живущие в той или иной стране, в том или ином обществе, «пропитываются» ее духом, начинают вести себя — по крайней мере, в каких-то вопросах — так, как ведут себя жители этой страны. А «руководители евреев» начинают вести себя, как «руководители» соответствующей страны. Иногда это выглядит довольно смешно, хотя, быть может, и помогает найти всем этим «руководителям» общий язык.

Немного забегая вперед, скажем, что Технион был официально открыт в 1924 году, Еврейский университет — в 1925 году. Сейчас эти учебные заведения — одни из самых престижных университетов мира. Это было очень сильное решение — начинать строительство государства с университетов. И вот почему. Оглядывая эволюцию последних десятилетий, можно заметить три фактора, которые определяют положение страны в мире — это ресурсы, технологии и образование. Пример существования за счет ресурсов — нефтедобывающие страны, Россия. Пример стран, роль которых в мире опирается на высокие технологии, грубо говоря, на умение работать — Германия, США, Скандинавские страны, Израиль. Страны с высоким уровнем образования — США, Израиль, до какого-то момента и по специфическим причинам — Россия. Причем, по мере хода истории, роль высоких технологий будет расти, а роль ресурсов убывать (просто потому, что запасы ресурсов ограничены). Соответственно, будет возрастать роль образования. И центрами притяжения и силы в мире станут те страны, где будет лучшее образование. Попросту говоря, те университеты, куда будет ехать молодежь со всего мира, чтобы получить знания. Одновременно с получением знаний молодежь будет впитывать культуру, взгляд на мир, систему ценностей, приобретать контакты. В некоторых странах Запада это уже осознано, и правительства принимают меры по развитию образовательной системы.

5. Война и сионисты

Война застала Вейцмана в Швейцарии. Через Париж он возвращается в Лондон. Через некоторое время после возвращения он знакомится с С. П. Скоттом, редактором «Манчестер гардиан». Тот с интересом и сочувствием отнесся к тому, что говорил Вейцман — а говорил он, естественно, о сионизме, т. е. о евреях и Палестине. Редактор организует встречу с министром финансов, его фамилия многим знакома — это Ллойд Джордж. Вот что пишет об этом Вейцман (обратите внимание, как он скромен и объективен): «Моя первая встреча с Ллойд Джорджем состоялась в начале декабря 1914 года. В своих „Военных мемуарах“ Ллойд Джордж относит начало нашего знакомства к тому времени, когда я начал работать в военном ведомстве (1917 год), и связывает наши отношения с моей работой для британского правительства во второй половине войны. Его мемуары оставляют впечатление, будто Бальфурская декларация была выдана лично мне, в награду за эту службу, когда Ллойд Джордж стал премьер-министром. Хотел бы я, чтобы все было так просто и мне не пришлось бы познать тех горьких разочарований, того чувства неуверенности и той скучной кропотливой работы, которые предшествовали созданию Декларации. Но не с помощью лампы Аладдина делается история. В действительности Ллойд Джордж высказался в пользу создания еврейского Национального очага задолго до своего вступления на пост премьер-министра, и мы встречались с ним за это время несколько раз.»

Итак, первая встреча. Х.Вейцман, С.П.Скотт и Ллойд Джордж.

«Вначале я оставался пассивным слушателем. Они говорили о войне — но как-то чересчур легкомысленно, как мне показалось. А мне было не до шуток, я не мог оценить английский юмор и вначале не понимал той исключительной серьезности, которая скрывалась за этим кажущимся легкомыслием. Потом Ллойд Джордж вдруг обратился ко мне и буквально засыпал меня градом вопросов: о Палестине, о наших поселениях, о еврейском населении страны и перспективах его роста. Я старался отвечать как можно подробнее.»

А вот как выглядит эта встреча на взгляд британских политиков той поры. В своих воспоминаниях Вейцман приводит слова жены Ротшильда. В разговоре с ней Ллойд Джордж, сообщая о своей встрече с Вейцманом, сказал: «Рассказывая о Палестине, доктор Вейцман сыпал библейскими названиями, куда более знакомыми мне, чем наши собственные позиции на

западном фронте». Следующей была встреча с Бальфуром, министром иностранных дел. И опять Вейцман читал лекцию и разъяснял позицию сионистов. Контакты с британскими общественными и государственными деятелями становились чаще.

Разумеется, не все английские евреи были сионистами. Как и везде, имелись и ассимилянты, которые придерживались иных, нежели сионисты, взглядов. Разумеется, всякий человек имеет право на свои взгляды. Но эти ассимилянты — как, впрочем, и все ассимилянты — не понимали, что сильные мира сего не будут уважать их, скорее наоборот. Впрочем, предоставим слово Вейцману. Об одном из видных ассимилянтов он пишет следующее.

«Ему было трудно, в сущности, даже невозможно понять, что в глазах англичан антисионизм еврея вовсе не служит удостоверением его сверхлояльности по отношению к Британии. Он так и не сумел осознать, что для таких глубоко религиозных, воспитанных на Библии людей, как Бальфур, Черчилль, Ллойд Джордж, возвращение еврейского народа в Палестину — не пустая фраза, а истинное стремление, и потому оно представляется великим начинанием, вызывающим глубокое уважение. И уж конечно, ему не могло прийти в голову, что богатые евреи-антисионисты отнюдь не вызывают уважения у этих британских государственных деятелей. Я помню, как за несколько дней до принятия Декларации Бальфура Ллойд Джордж сказал мне: „Я знаю, что эта декларация обрадует одну группу евреев и вызовет неудовольствие другой. Но я решил поддержать вашу группу, потому что она стоит за великую идею“». Эта ситуация повторялась в истории неоднократно. Тихих и послушных ассимилянтов власти стран диаспоры терпят, конечно, охотнее, чем сионистов. Но их так же не любят, как и всех евреев вообще, и уж совершенно точно — уважают меньше, чем сионистов. Заметим, что при всем декларируемом хорошем отношении к выкрестам (ведь крещение еврея — это важная цель христианства), на самом деле к ним относятся с брезгливостью и никогда не забывают, кто они и откуда. Причем британские ассимилянты не просто дистанцировались от сионистов. Они пытались восстановить против них общественное мнение, и на них лежит, как писал Вейцман, «вина за двусмысленность в формулировке Бальфурской декларации, которая доставила нам впоследствии столько серьезных неприятностей».

Так или иначе, Вейцман продолжает борьбу. Описывая реакцию людей на деятельность сионистов, он указывает на то, что мотивы интереса людей к сионизму были различными.

Одними двигала встревоженная совесть, другими — искреннее увлечение идеей. Разумеется, могли быть и третьи, и четвертые… Опытный фандрейзер[6] должен все это понимать и умом и сердцем. Вейцман был, несомненно, опытным фандрейзером. Воздавая должное всем, кто помогал, и особенно тепло рассказывая об Эдмоне Ротшильде, он пишет следующее: «Несколько людей его калибра и возможностей могли бы изменить всю историю Палестины и полностью ликвидировать весь ущерб, нанесенный нашему делу евреями-антисионистами и нерешительностью нееврейского мира. Но таких, как он, у нас больше не было.» Честно говоря, читая о деньгах, которыми оперируют сильные мира сего, среди которых есть и евреи, время от времени думаешь нечто подобное.

Определенные трения имелись и среди сионистов. Кто-то не забыл историю с Угандой и не мог простить Вейцману его оппозиции Герцлю, некоторые не разделяли негативного отношения Вейцмана к Германии. Видимо, они не могли правильно оценить глубину немецкого антисемитизма. Некоторые считали позицию Вейцмана слишком проанглийской. Словом, причин для конфликтов тогда хватало, впрочем их хватало и прежде, и позже.

6. На службе Его Величества. Путь к Декларации

В марте 1916 года, вернувшись из поездки в Палестину, Х.Вейцман обнаруживает у себя на столе вызов в Адмиралтейство. Флоту нужен ацетон для производства бездымного пороха — а вы, доктор Вейцман, химик. И ко всем прочим обязанностям добавляется еще одна — он строит опытную установку по производству ацетона. Установка строится в Лондоне, а лекции надо читать и исследования надо вести в Манчестере. Вейцман приспособился ночевать в поезде, по дороге туда и обратно. Но в итоге университет проявил разумность и освободил доктора от части исследовательской работы. Вейцман был принят на правительственную службу и представлен лорду Адмиралтейства Уинстону Черчиллю. Первые слова лорда были «Доктор Вейцман, нам необходимо тридцать тысяч тонн ацетона. Можете вы их сделать?» В своих воспоминаниях доктор пишет, что «чуть было не бросился наутек».

Два года каторжной работы… То одна проблема, то другая. Строительство установок и заводов. Сырье поступает из Америки, но немецкие подлодки топят корабли. Часть производства перенесена в Америку и Канаду. Нагрузка на этой работе становится все больше, и в итоге доктор Вейцман совсем покидает Манчестер и обосновывается в Лондоне. Рождается второй сын. Лорд Бальфур сменяет Черчилля в Адмиралтействе, Ллойд Джордж становится министром боеприпасов. В своих воспоминаниях Вейцман пишет об этом периоде так: «Я был тесно связан с его ведомством, так как моя лаборатория занималась также проблемами, не имевшими прямого отношения к ацетону.

Когда миновал период экспериментальных поисков и строительства опытной установки, я вздохнул свободнее и получил возможность чаще встречаться с британскими государственными деятелями — чаще даже, чем в Манчестере. Постепенно мои интересы вновь переместились в сторону сионистских дел, и с этого момента события стали быстро развиваться в сторону одной из самых значительных вех в истории сионистского движения и, полагаю, в истории еврейского народа в целом — в сторону принятия Бальфурской декларации».

Но до нее еще надо было добраться. Мешали ассимилянты, но еще больше мешало невежество. Разъяснять, разъяснять и разъяснять. Многое из того, что говорил Вейцман, по сей день звучит актуально и поучительно. Вот, например.

«В годы Второй мировой войны единственной частью Средиземноморья, на безоговорочное сотрудничество с которой в борьбе с нацизмом и фашизмом могли рассчитывать союзники, оказалась еврейская Палестина. И было бы ошибкой объяснять это только особым положением евреев, которые не могли рассчитывать ни на какую сделку с гитлеризмом. Справедливо обратное: это гитлеризм не мог рассчитывать на сговор с еврейством, демократичным по самой своей природе. Тип общества, возникший в еврейской Палестине, был отражением национальной, социальной и этической сущности еврейства. В войне за утверждение в мире демократических принципов еврейская Палестина просто не могла играть иной роли, независимо от того, как относились антидемократические силы к еврейскому народу».

Разумеется, на степень демократичности государственного устройства любой страны влияет окружение, ситуация, в которой вынуждена существовать страна. Трудно быть вполне демократической страной, имея общую границу с тоталитарными режимами. В этом смысле Америке сильно повезло с Канадой. А будь ее северным соседом тысячелетний Рейх? Или кто-то, кто мечтал бы сбросить американцев в море? Заметим, что во время Второй мировой войны Америка поселила своих японцев в лагерях, которым было, конечно, далеко до сталинских и гитлеровских, но все же это были лагеря. Так что при оценке израильского демократизма его надо молча множить на два. Или на большее число.

По поводу политики вокруг Бальфурской декларации Вейцман пишет: «Британское правительство не только симпатизирует палестинским устремлениям евреев, но хотело бы видеть эти устремления осуществившимися. Я думаю, что Великобритания готова даже быть инициатором соответствующего предложения на Парижской мирной конференции. Но в то же время она не хочет брать на себя какую-либо ответственность. Иными словами, она предпочла бы оставить дело организации еврейского сообщества как независимой политической единицы целиком в еврейских руках. В то же время преобладает убеждение, что передача Палестины какой-либо другой великой державе является нежелательной.

Эти установки противоречат друг другу. Если Великобритания не хочет, чтобы Палестиной владел кто-нибудь другой, ей придется самой контролировать ее и предотвращать проникновение туда других сил. Подобный курс предполагает, ясное дело, не меньшую ответственность, чем в случае британского протектората над Палестиной, — с той единственной

разницей, что контроль значительно менее эффективен, чем протекторат. Поэтому я полагаю, что может быть принят промежуточный курс: страна передается евреям. Вся тяжесть организационной работы ложится на них, но ближайшие 10–15 лет они работают под временным британским протекторатом».

Как же все-таки получилось, что все произошло так, как оно произошло? Вейцман полагает, что большую роль в этом сыграли религиозные взгляды британских политиков, представление о том, что «так должно быть». Что евреи должны вернуться на свою историческую родину. Некоторых из них раздражала позиция ассимилянтов (как бы мы теперь сказали — антисионистов). Разумеется, они не упускали из вида британские интересы на Ближнем Востоке. Но идейная сторона тоже была для них важна.

Человеку вообще свойственно упрощать, а значит — идеализировать хорошее и очернять плохое. И все-таки тогдашние политики выглядят существенно более «духовными», чем современные. В чем тут дело? Одну из версий высказывает сам Вейцман. «В этом отношении те времена тоже решительно отличались от нынешних: с тех пор Гитлер научил мир не обращать слишком серьезного внимания на общественное мнение вообще и еврейское в частности». Может быть, это и так. Заметим, что Гитлер научил этому и Англию — вспомним начало Второй мировой войны и политику «умиротворения». С другой стороны, Британия была тогда «Владычицей морей», и ее политики (да и ее граждане) легче могли думать «о возвышенном». Да и проблема казалась проще, чем это оказалась впоследствии. Наконец, когда мы говорим, что нынешние политики циничнее тогдашних, мы не учитываем того, что в каких-то аспектах нынешних политиков мы знаем с худшей стороны — российская пресса ангажирована и злобна — своих политиков она ругает по заказу, зарубежных — по общей российской ксенофобии.

А Хаим Вейцман тем временем продолжал заниматься наукой, служебными обязанностями и сионизмом. Причем последним — все больше и больше. Наконец, объем его сионистской деятельности (переписка, встречи, визиты, телефонные переговоры) стал таким, что он и его жена перестали с ним справляться. Вейцман скромно пишет о жене — «объем нашей деятельности стал превосходить ее силы». Было снято небольшое бюро на Пиккадилли, постепенно создалась маленькая группа активистов. Началось издание еженедельника «Палестина».

Уже в марте 1916 года палестинский вопрос обсуждался в канцеляриях европейских правительств. Начались контакты между государствами, осторожное дипломатическое

прощупывание. Между тем Хаим Вейцман направляет британскому правительству первый меморандум. На этом документе — в силу его важности — мы остановимся подробнее. Вот что пишет Вейцман в своих воспоминаниях: «Он назывался „Общие принципы программы еврейского поселения в Палестине в соответствии с целями сионистского движения“. В первом параграфе речь шла о национальном самоопределении: „Еврейское население Палестины (под которым в этой программе подразумевалось как существовавшее, так и будущее еврейское население) будет официально признано суверенными правительствами в качестве еврейской нации и будет располагать всей полнотой гражданских, национальных и политических прав в этой стране. Суверенные правительства признают желательность и необходимость еврейского Возвращения в Палестину“.

Во втором параграфе формулировался принцип, который в практическом плане был не менее важен, чем принцип самоопределения в плане теоретическом. Нарушить этот принцип — а он был впоследствии нарушен — означало исказить всю программу. Параграф звучал так: „Суверенные правительства предоставят евреям других стран полное и свободное право иммиграции в Палестину. Суверенные правительства предоставят еврейскому населению Палестины все возможности для немедленной натурализации и приобретения земель“.

Со времени принятия Бальфурской декларации вся история наших усилий в Палестине была в определенной степени историей борьбы за реализацию двух этих принципов. Третий параграф говорил о конкретных путях осуществления наших планов — создании Еврейского Агентства для колонизации Палестины и его задачах. Параграфы четвертый и пятый были посвящены развитию местной автономии и признанию и развитию социальных и общественных институтов, уже созданных нами в Палестине.

В содержании этого меморандума можно усмотреть два аспекта. Один — внешний, декларирующий наши цели и требования перед будущим мандатным правительством Палестины. Другой — внутренний, определяющий наши обязанности по отношению к еврейскому народу. В последующие годы мы столкнулись с затруднениями и в том, и в другом плане; и всегда эти два аспекта находились во взаимном переплетении. Приходится признать, что британское правительство Палестины не оправдало наших ожиданий, а еврейский народ, если говорить в целом, оказался не на высоте своих внутренних задач. И до, и после Бальфурской декларации идея национальной самостоятельности палестинского еврейства наталкивалась на

яростное сопротивление определенной части еврейского народа — ассимилированных евреев. Снова и снова к нам, сионистам, предъявляли требования отказаться от обоих принципов: принципа суверенности еврейской нации и принципа свободной иммиграции. Первое требование исходило от евреев-ассимиляторов, второе — от различных групп в мандатном правительстве. В обоих случаях нас заверяли, что это послужит к нашему же благу. В обоих случаях эти рассуждения были нелепы. Национальный принцип составляет источник нашей внутренней силы; принцип свободной иммиграции — единственная основа нашего развития. Для меня несомненно, что эти споры будут продолжаться и впредь — до тех пор, пока осуществление наших целей не снимет их с повестки дня».

Этот меморандум был первой попыткой увязать сионизм со всем комплексом существующих проблем. Это был первый почти официальный документ. Почти — потому что направившая его сторона не была субъектом международного права. И в этом смысле те, кому он был направлен, могли положить его в корзину, даже не вынимая из конверта. Однако — не положили. Искусство политики состоит именно в том, чтобы уловить этот момент, определить этого адресата, сделать именно этот шаг. Еврейскому движению СССР в этом смысле пока не веяло — то ли мы мало делали, и шаги еврейских политиков, в отличие от шагов Вейцмана, не были поддержаны строительством коровников и возделыванием дунамов. То ли правители были глухи к доводам, не было у них религиозной мотивации, как у британцев, или просто были другие заботы, или они должны были больше, чем Ллойд Джордж, принимать во внимание антисемитизм масс. Трудно сказать, что было более, а что — менее существенно, но времена и люди меняются, и в вопросе, в котором не повезло вчера, может повезти завтра.

От Вейцмана же и его соратников требовались мудрость и хитрость — евреи оказались в центре пересечения интересов разных стран. Точнее, не евреи, а Палестина, но для сиониста Вейцмана это было одно. «Теперь все наши помыслы» — пишет Х.Вейцман — «сосредоточились уже не на том, чтобы добиться признания сионистских целей, а на том, чтобы найти правильный путь к их осуществлению и не дать свести на нет наши усилия неразумными уступками и компромиссами». Чем ближе к практическому решению, тем более практичными становятся аргументы Вейцмана. По его беседам, письмам, обращениям видно, как все чаще он обращается к политической целесообразности, пытаясь убедить английские власти, что именно это им нужно.

И все эти усилия увенчались успехом. Успехом половинным, потому что Бальфурская декларация могла бы быть и лучше, но все же успехом, потому что ее могло и вовсе не быть. Причем в последние полгода, предшествовавшие принятию Бальфурской декларации, в рядах английского еврейства шла борьба. Казалось бы, странно — ну мне не нужна Палестина, я не сионист, я ассимилянт, но зачем же мне чинить препятствия другим? Пусть он получит свое, а я — свое. Ведь он не отнимает у меня ничего! А если я ассимилянт и пекусь о пользе Англии, то я должен понимать, что сионизм укрепляет позиции Британии на Ближнем Востоке. ан нет же! Амбиции и комплексы (мне Палестина не нужна, так пусть и другой не получит) оказались для многих сильнее. Так или иначе, предполагаемый текст декларации был подготовлен и представлен лордом Ротшильдом Бальфуру 18 июня. Он гласил следующее: «Правительство Его Величества, рассмотрев цели Сионистской организации, выражает свое согласие с принципом признания Палестины Национальным очагом еврейского народа и права еврейского народа строить в Палестине свою национальную жизнь под протекторатом, который должен быть установлен в ходе заключения мира после успешного завершения войны. Правительство Его Величества считает существенным для реализации этого принципа предоставление еврейскому народу в Палестине права внутренней автономии, а также установление свободы иммиграции для евреев и создание Еврейского колонизационного общества для восстановления и экономического развития страны. Условия и формы внутренней автономии и хартия Еврейского колонизационного общества должны быть, по мнению Правительства Его Величества, разработаны и определены в переговорах с представителями Сионистской организации».

Но это был только проект. Однако антисионисты и ассимилянты начали атаковать этот проект в прессе, встречаться с членами правительства и агитировать их «против». Сионисты, однако, тоже не сидели сложа руки и занимались своей пропагандой, своими встречами, своим, как говорят сейчас, лоббированием. В итоге формулировка Бапьфурской декларации выглядела, при ее принятии 2 ноября (почти полгода спустя!) так:

«Правительство Его Величества благосклонно относится к восстановлению Национального очага еврейского народа в Палестине и приложит все усилия к облегчению достижения этой цели. Вполне понятно, что не должно быть предпринять ничего, что может повредить интересам как гражданских, так и религиозных нееврейских общин в Палестине или правам и политическому статусу евреев в какой-либо другой стране».

Как иногда говорят, «история не имеет сослагательного наклонения». И хоть можно сколько угодно фантазировать на тему, что было бы, если бы Бальфурская декларация «прошла» в исходной формулировке, проку от таких фантазий немного, и я думаю, что спроси мы об этом самого Хаима Вейцмана, он бы сказал, что в конечном итоге важны «коровники и дунамы». Но вот что интересно — не является ли демократический способ функционирования государств причиной того, что большинство документов и программ столь бессодержательны? Ведь они отражают сумму противоположных интересов, а сумма противоположных величин равна нулю. Что было бы, если бы все законодательные органы принимали свои решения только «квалифицированным большинством»? Может быть, стало бы меньше бессмысленных бумаг и больше дела? Но это так, к слову пришлось. А Бальфурская декларация открыла-таки новую страницу в истории Палестины.

7. Сионистская комиссия

Историческое событие всегда трудно оценить, и вот почему. Когда мы называем какое-то событие историческим, мы всегда имеем в виду, что оно имело какие-то важные последствия, что-то изменило в этом мире. Но важные изменения не могли произойти, если для них не была подготовлена почва. Если, грубо говоря, их не хотели, их не ждали люди. Маловероятно, чтобы сбылись все желания и ожидания, да и желания разных людей обычно различаются. Поэтому любое историческое событие кому-то дало много, кому-то мало, а у некоторых еще и отняло. Так что разных оценок может быть очень много.

Вот Бальфур позднее говорил, что Декларация — важнейшее дело его жизни, а Роберт Сесил полагал, что создание еврейского Национального очага имеет значение не меньшее, чем создание Лиги Наций. Увы — пишет в своих воспоминаниях Вейцман — с первых же попыток претворения политических решений в жизнь возникла пропасть между обещаниями Декларации и их реализацией.

В начале 1918 года британское правительство направляет в Палестину «сионистскую комиссию», которая должна знакомиться с положением на месте и разработать планы реализации Бальфурской декларации. Комиссия была британско — итальянско — французской. Американцы и русские делегаты по разным причинам в ней не участвовали. Причем француз оказался ярым антисионистом, а итальянец, в основном, пекся об итальянских, а вовсе не о еврейских или палестинских интересах. Все это, понятно, на работе сказывалось отрицательно. Хаим Вейцман был одним из пяти членов комиссии, представлявших английское еврейство.

По обстоятельствам военного времени, путешествие в Палестину оказалось долгим. Там Вейцман обнаружил следующее. «Бальфурская декларация, наделавшая столько шума во всем мире, осталась тайной за семью печатями для многих офицеров Британского корпуса в Палестине, даже самых высокопоставленных. Они понятия не имели ни о ней самой, ни о том сочувствии, которое выразили нашим целям и стремлениям самые выдающиеся представители всех слоев английского общества. Они были отрезаны от Европы, их мысли были сосредоточены на стоявшей перед ними непосредственной задаче — выиграть войну, а точнее, в данный момент — удержать фронт и не откатиться под натиском турок. Но и это, к сожалению, было не все: гораздо более глубокие причины определенного поведения

коренились в самой психологии многих из этих офицеров. Скудное еврейское население, изнуренное годами лишений и изоляции от мира, едва говорящее по-английски, представлялось им отбросами польских и русских гетто. Россия же в ту пору была не на самом лучшем счету у англичан, поскольку только что пережила большевистскую революцию, которую они — опять же — связывали с русским еврейством: в глазах большинства британских офицеров слова „русские“, „евреи“, „большевики“ были в те дни синонимами. И даже если они немного ориентировались в событиях, они все равно не видели особого смысла стараться ради евреев — так что плевать им на всякие там декларации!»

При первом свидании с Алленби{4}[7] — пишет Х.Вейцман — он вручил ему верительные грамоты и рекомендательные письма от Бальфура, Ллойд Джорджа и других. «Все это хорошо», — сказал Алленби, — «но мы обязаны соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не задеть чувств местного населения». Это была тяжелая работа. Опять лавирование между всеми «силами», участвующими в ситуации — евреями, арабами, британскими офицерами. Времена это были для Палестины достаточно тяжелыми. Еврейская община была ослаблена потерями, лишена руководства и дезорганизована. Большинство ее лидеров было выслано. В стране недоставало продуктов питания, но даже разрешение на поездку в Каир за продуктами жителю Палестины получить было почти невозможно. Вейцман делал все возможное, но проблемы множились и множились.

Наконец, стало ясно, что без большого и обстоятельного разговора с генералом Алленби не обойтись. Вот как излагает содержание этого разговора Х.Вейцман в своих мемуарах: «Я сказал ему, что в еврейском народе дремлют непочатые запасы энергии и инициативы, которые можно пробудить благодаря открывающимся сейчас новым возможностям. Я был убежден, что эта энергия способна преобразить даже такую заброшенную страну, как Палестина. Я напомнил ему о поселениях барона Ротшильда, которые даже в те дни были оазисами плодородия среди окружающих их пустынных песков — резкий контраст с арабскими деревнями с их глиняными хижинами и навозными кучами. Я изо всех сил пытался передать Алленби хотя бы крупицу той уверенности, которую ощущал сам, — частично потому, что испытывал к нему большое личное уважение, частично же потому, что понимал, что его позиция может сыграть решающую роль в будущем, когда мы подойдем к решению практических проблем. Помню, что к концу этого долгого разговора, когда я почувствовал, что он мало-помалу поддается

моим убеждениям, я сказал что-то вроде следующего: „Вы завоевали большую часть Палестины и можете измерять свои завоевания двумя мерками: либо в квадратных милях, и тогда ваша победа, хоть и значительная, не покажется столь уж великой; либо меркой исторической — в столетиях традиции, которой освящена каждая пядь этой земли, — и тогда ваша победа окажется одной из величайших в истории. И эта традиция, которая делает вашу победу столь великой, связана, в основном, с историей моего народа. Наступит, быть может, день, когда мы сумеем увековечить вашу победу, запечатлев ее в чем-то более долговечном, чем даже камень, — в судьбах людей и народов. Будет горько, если сегодняшние мелочи — например, неверные действия нескольких офицеров или администраторов омрачат эту победу“».

После этого разговора отношения между комиссией и британской военной администрацией стали немного лучше, но зато начали ухудшаться отношения между арабами и евреями. Лавирование и еще раз лавирование — первейшее искусство политика. Особую проблему для сионистской комиссии составляло еврейство халукки, община, которая существовала в течение поколений исключительно за счет пожертвований. В старом ишуве оказалось множество всяческих учреждений — школ, больниц, домов для престарелых; некоторые из них были вполне работоспособны. Однако никакие новшества этими организациями не воспринимались… Естественно, тех, кто приходил с попытками усовершенствования, обвиняли во всех смертных грехах. В своих воспоминаниях Вейцман сочувственно пишет о большинстве своих сотрудников и живописует трудности, с которыми сталкивалась комиссия. Вот, например, такой случай: «Медленно и с достоинством старцы приблизились и остановились, чтобы обозреть багаж, машину и все прочее. Затем повернулись в мою сторону и сказали: „Но вы ведь еще не уезжаете, не так ли? Разве вы не знаете, что приближается праздник Суккот, а у нас нет мирта?“ Конечно я знал, что в Суккот нужен мирт, но это как-то выскользнуло из моей памяти. Подумать только, я не позаботился включить добывание мирта в список своих обязанностей как председателя сионистской комиссии, прибывшей в Палестину в разгар кровавой войны! Слегка ошарашенный, я ответил: „Но разве мирт нельзя доставить из Египта?“ Старцы были глубоко уязвлены. „Для Суккот, — укоризненно заметил один из них, — нужен мирт самого высокого качества. Мы получаем его из Триеста. Поскольку это вопрос высшего религиозного значения, мы не сомневаемся, что генерал Алленби пошлет распоряжение в Триест доставить нам

мирт“.

Я осторожно попытался объяснить им, что идет война, а Триест находится на вражеской территории. „Мы понимаем — война. Но ведь это чисто религиозный вопрос, он не имеет отношения к войне. Мирт, если хотите, это символ мира“. Разговор затягивался. Я подумал, что поезд из Лода идет один раз в сутки, и решил проявить твердость. „Вам придется на этот раз обойтись египетским миртом“, — сказал я. И тут мои собеседники открыли свою козырную карту: „Но ведь объявлен карантин на доставку растений из Египта! Военные власти нам не разрешат!“ Я оказался в тупике. Время поджимало, и мне пришлось с извинениями переправить своих старцев к коллегам, заверив их, что будет сделано все возможное, чтобы обеспечить их миртом к Суккот.

В Каире дела — а их было так много! — вытеснили мирт из моей памяти. Перед отъездом я зашел к генералу Алленби попрощаться. Мы уже заканчивали наш разговор, как вдруг он спохватился: „Кстати, насчет этого мирта!“ Он вытащил из кармана письмо, пробежал его глазами и сказал: „Вы знаете, это очень важная религиозная церемония, она описана в Библии, я как раз сегодня ночью перечитывал книгу Нехемии. Могу вас утешить: мы сняли карантин, и посылка с миртом поспеет в Палестину еще до праздника Кущей…“».

Этот пример приведен по двум причинам. Во-первых, Вейцман довольно скуп на подобные «истории». Во-вторых, мы опять сталкиваемся с ролью религии в жизни англичан — но это уже не высокопоставленный политик, а генерал.

В актив сионистской комиссии, по мнению Вейцмана, можно записать два серьезных достижения. Наверное, он излишне скромен и правильнее было бы сказать — наиболее серьезных достижения. Первое — это установление взаимопонимания между ним и королем Фейсалом, единственным представителем арабов, влияние которого не ограничивалось чисто местными масштабами. Эмир оказался неплохо информирован, но все равно — Вейцман опять, как и всю жизнь, читает лекцию, ищет и находит взаимопонимание. К сожалению, по не зависящим от него причинам эмир не сумел достичь своих целей. Ему не удалось объединить арабский мир, и более того, он сам был изгнан из Сирии…

Обидно.

Вейцман в своих воспоминаниях пишет, что «политические деятели словно сговорились против арабо-еврейского согласия. Но хотелось бы напомнить: явления основополагающего порядка — а к ним я, конечно, отношу единство еврейских и арабских

интересов — обладают способностью утверждаться в жизни несмотря ни на что; и я убежден, что необходимость этого единства рано или поздно будет понятна и признана». Как говорят иногда, «его бы устами да мед пить».

Вторая важная заслуга сионистской комиссии — был заложен первый камень Еврейского университета. Вейцман довольно сдержанно описывает церемонию — он вообще очень сдержан в описаниях — хотя именно этот успех был ему особенно дорог. Разумеется, ему была известна огромная и специфическая роль образования в истории еврейского народа. Не мог он не знать фразы «дай мне Явнэ и его ученых». Тем более, он сам был ученый. Но это было в большой мере именно его достижение, и видимо поэтому он так скромен в этом описании.

8. После войны

Завершение войны повлекло за собой изменения в политической структуре мира. В результате этих изменений положение евреев ухудшилось. «Сепаратный мир Германии с Россией и большевистская революция — пишет Вейцман в своих воспоминаниях — зачеркнули русское еврейство как сипу, на которую мы могли рассчитывать». А ведь в промежутке между Бальфурской декларацией и 1917 годом русское еврейство внесло в Палестинский сельскохозяйственный банк огромную по тем временам сумму, а некоторые сумели перебраться в Палестину. Польское еврейство пострадало в войне. Поэтому теперь сионисты связывали свои главные надежды с Западом.

Ситуация была очень сложной даже в странах, по территории которых не прошла война. Трудно представить себе, что творилось в воевавших странах. Ситуация у евреев была, наверное, хуже, чем у всех. Но многие сионисты считали, что с принятием Бальфурской декларации все политические проблемы решены, и осталось развивать ишув экономически. Вейцман, который имел значительный опыт контактов и с британскими войсками, и с арабами, понимал, что это, увы, не так.

Вейцман занимается реорганизацией и укреплением Сионистской комиссии, разъяснением британскому правительству вреда, проистекающего от враждебного отношения к сионизму палестинской администрации, и подготовкой меморандума для Парижской мирной конференции 1919 года.

На Парижской конференции произошла почти такая же безобразная история, как и при принятии Бальфурской декларации. Из пяти выступающих один, а именно представитель Франции, как на грех, выступавший последним, начал доказывать, что создание еврейского Национального очага будет опасно для Франции и вызовет обнищание арабов. К счастью, в тот же день Франция официально заявила, что «не возражает». Сионистов поддержал и эмир Фейсал, употребивший в своем письме многозначительное выражение «мы, арабы, в особенности наш просвещенный слой, с глубокой симпатией относимся к сионистскому движению».

Отдельный и очень интересный вопрос — что же изменилось с тех пор и что именно изменилось, а что нет? Для этого, в частности, полезно внимательно прочесть всё письмо Фейсала и комментарий Вейцмана к нему. Вот они.

«Дорогой мистер Франкфуртер, пользуясь

предоставившейся мне впервые возможностью познакомиться с американскими сионистами, я хотел бы повторить Вам то, что я неоднократно высказывал доктору Вейцману в Аравии и в Европе. Мы считаем, что арабы и евреи — двоюродные братья по крови, одинаково страдающие под властью превосходящих сил и по счастливому совпадению одновременно получившие возможность сделать первые шаги к осуществлению своих национальных идеалов.

Мы, арабы, в особенности наш просвещенный слой, с глубокой симпатией относимся к сионистскому движению. Наша делегация в Париже ознакомилась с предложениями, сделанными Сионистской организацией на Мирной конференции, и считает их умеренными и разумными. Со своей стороны, мы сделали все возможное, чтобы эти предложения были приняты; мы будем рады приветствовать евреев на их родине.

У нас установились тесные отношения с руководителями вашего движения, в особенности с доктором Вейцманом. Он много сделал для нас, и я надеюсь, что арабы скоро смогут хотя бы частично отблагодарить евреев за их поддержку. И вы, и мы работаем на благо преобразования и возрождения Ближнего Востока, и наши движения взаимно дополняют друг друга. Еврейское движение является национальным, а не империалистическим. Наше движение тоже является национальным, а не империалистическим. В Сирии достаточно места для обоих народов. Более того, я думаю, что успех одного из наших народов немыслим без успеха другого. Люди малопросвещенные и безответственные, игнорируя необходимость сотрудничества между арабами и сионистами, пытаются использовать в своих интересах местные противоречия, которые неизбежны в Палестине на ранних этапах наших движений. Некоторые из них неверно представили ваши цели арабским крестьянам и наши цели еврейским крестьянам.

Я хотел бы твердо заверить Вас, что рассматриваю эти противоречия не как принципиальные, а как второстепенные, неизбежно возникающие в отношениях между соседями и преодолимые при наличии доброй воли. Я убежден, что почти все они исчезнут, когда мы будем лучше знать друг друга. Вместе с моим народом я мечтаю о будущем, когда Вы с нашей помощью и мы с

Вашей сумеем вернуть наши страны в сообщество цивилизованных народов мира.

Искренне Ваш Фейсал».

«Это замечательное письмо следовало бы внимательно прочесть всем тем, кто обвиняет нас в том, что мы начали сионистскую деятельность в Палестине, не задумываясь об интересах арабов. Не забудем, что это письмо написано признанным тогда лидером арабов, выразителем их национальных чаяний, и в каком-то смысле является результатом наших продолжительных встреч и дискуссий.»

«Тогда, в Париже — пишет Вейцман — нам казалось, что наше дело выиграно». Но все оказалось не так, и дальнейшее пришлось расхлебывать евреям и их лидерам. В частности, американские сионисты считали, что политическая работа завершена и далее надо заниматься только экономикой. Проблемы требовали присутствия Х.Вейцмана в Палестине. Он едет туда, объезжает страну; ситуация кажется настолько сложной, что им время от времени овладевает отчаяние. Тогда он отправляется побеседовать со старожилами. Они рассказывают ему, что увидели, когда впервые попали на эту землю. Когда не было ни Бальфурской декларации, ни Сионистской организации, а страна разлагалась под властью турок. Они показывали Вейцману землю, покрытую апельсиновыми рощами и виноградниками, и к нему возвращалась вера в еврейскую энергию и интеллект.

Вейцман то в Лондоне, то в Палестине. То, чем он занимается, называется просто — практический сионизм. Делать все, что нужно для того, чтобы возник Национальный очаг, чтобы в нем жили евреи. Между тем, ситуация в Палестине ухудшается. Бандитизм, разбой, налеты грабителей, убийства. Наконец, произошел погром в Иерусалиме. И это не в России, где погромы были традицией, а в Палестине, через два года после приема Бальфурской декларации, когда в городе было полно британских войск. Вспомним позицию британских политиков высшего звена и осознаем, что без этой позиции организация Национального очага была бы отодвинута, и надолго. Но позиция — позицией, а рядовой офицер, рядовой солдат руководствуется не библейскими идеями, а чем-то другим. Разумеется, момент для провокации был выбран не случайно. В данном случае через несколько недель должна была состояться конференция союзных держав, на которой должна была решаться судьба Оттоманской империи и, в частности, Палестины. Но, к счастью, конференция подтвердила действие Бальфурской декларации.

В 1920 году Вейцман предлагает создать некоторую общую организацию для координации всех, кто хотел участвовать в практической работе в Палестине. Собственно говоря, это был прообраз Еврейского агентства, Сохнута. При этом сохранялась и Сионистская организация, которая вела политическую деятельность.

На Сионистской конференции в 1920 году Х.Вейцман был избран президентом Сионистской организации. Как не без юмора пишет он в своих воспоминаниях: «я обрел, впервые в жизни, некий формальный статус». Он имеет в виду всееврейский статус — потому что он был уже президентом Английской сионистской федерации. После конференции Вейцман посещает Палестину, а потом начинает готовиться к поездке в Америку. Заметим, что и в своей тогдашней деятельности, и позже — в своих воспоминаниях, он уделяет большое значение Америке, американским сионистам, отношениям с ними. Хотя сам происходит из России, из черты оседлости, а живет и ведет научную работу в Англии, т. е. в Европе. Широкий взгляд на мир и предусмотрительность, способность к прогнозу — вот его важные черты. Причем учтите — это 80 лет назад. Электронной почты нет, радио и телефон — по сегодняшним понятиям — в зародышевом состоянии. Даже сейчас, и не без оснований, мы говорим, что Америка — это другая цивилизация. А уж тогда-то!

Вейцман едет в Америку, как он пишет, с целью создания американского отделения «Керен ха-Иесод» и пробуждения интереса к строительству Еврейского университета. Вейцман постарался собрать для этой поездки представительную делегацию; в частности, в ней участвовал Альберт Эйнштейн вместе со своим секретарем — Симоном Гинцбергом (воистину тесен еврейский мир), сыном Ахад ха-Ама.

Америка встретила делегацию журналистами, которые больше всего «рвали на части» Эйнштейна, и многотысячными толпами нью-йоркских евреев. Но евреи — евреями, а лидеры представили Вейцману меморандум, в котором излагалась их позиция, сильно отличавшаяся от взглядов гостя. Различия были принципиальными. Для Вейцмана сионизм — это общенародное возрождение, для его оппонента — чисто социальная программа. Собственно, это был старый конфликт между двумя системами взглядов. Вот что пишет об этой ситуации Вейцман:

«С течением времени наша полемика переросла в еще более широкий конфликт — между основной массой американских сионистов и кучкой привилегированных „западных“ евреев, которые занимали высокое положение в американском обществе. Примешивалась сюда и подспудная борьба за руководство

судьбами Палестины — „принадлежать“ ей Америке или Европе, борьба, в свою очередь, угрожавшая непоправимым раскопом мировому еврейству.

Все наши старания найти компромиссную формулу оказались напрасными. В конце концов я обратился непосредственно к американскому еврейству, заявив, что, согласно решению последней Сионистской конференции и в силу своих полномочий как президента Всемирной сионистской организации, объявляю создание американского филиала „Керен ха-Иесод“. Мой шаг вызвал яростные протесты и изрядную порцию ругани… все это было подхвачено прессой, и еврейская общественность стала свидетельницей наших разногласий. Но на двадцать четвертой конвенции Американской сионистской организации (знаменитой „Кливлендской конвенции“), состоявшейся в июне того же года, широкие массы американских сионистов показали, что они способны правильно разобраться в сути спора.»

Итак, филиал «Керен ха-Иесод» в Америке был открыт, и Вейцман отправился в турне по Америке. Он читал лекции (как и всю жизнь) и собирал деньги (как и всю жизнь). Вейцман делал и то, и другое, причем все делал успешно. Представляет большой интерес взгляд Вейцмана на роль евреев в истории и человечестве. Вот этот взгляд перед вами.

«На одном митинге я сказал: „Самая любопытная разновидность антисемита — это сердобольный антисемит. Он преподносит свой антисемитизм в виде комплимента. Он говорит: „О, евреи — это же соль земли!“ И находятся евреи, которым это страшно льстит. Лично мне это не кажется комплиментом. Солью пользуются для еды. Она растворяется в еде. И она хороша только в небольших количествах. Когда ее много, еду выбрасывают — и соль вместе с ней“. За этим комплиментом скрывается мысль, что всякая страна может „переварить“ лишь определенное количество евреев; когда их становится больше, чем она может „переварить“, приходится принимать решительные меры: выбрасывать их вон. Я продолжал свои рассуждения:

„Нас называют не только солью, но еще и „дрожжами“. Мы, мол, не только соль земли, но и ценная закваска. Мы производим необычайные идеи. Мы проявляем инициативу, предприимчивость. Мы — зачинатели. Это тоже сомнительный комплимент. Между ферментом и паразитическим микробом различие очень небольшое. Когда концентрация ферментов превышает определенную норму, они превращаются в паразитическое образование. Вот почему антисемиты повежливее называют нас „дрожжами“, а те, кто попроще и без научных

претензий, прямо говорят — „паразиты“.

К нам будут относиться как к желанным гостям только в том случае, если мы сами сможем принимать гостей. Возьмите Швейцарию — это маленькая страна, и швейцарцев в других странах больше, чем в самой Швейцарии. Но разве существует где-нибудь антишвейцаризм? Все дело в том, что у швейцарца есть собственный дом, куда он всегда может вернуться, куда он может пригласить гостей. Неважно, какой величины этот дом, — важно, что он собственный. Если мы хотим завоевать уважение к себе, необходимо, чтобы какая-то часть еврейства жила в своем собственном доме, в своей собственной стране. Если мы хотим завоевать равные права в университетах других стран, у нас должен быть собственный университет. Тогда профессора из Гарварда смогут приезжать в Иерусалим, а профессора из Иерусалима — в Гарвард“».

После Америки Вейцман отправился на очередной сионистский конгресс. Конгресс заставил сионистское движение спуститься с неба на землю, взглянуть в лицо фактам. Было решено организовать четыре поселения. Иммиграция составляла в это время около десяти тысяч человек в год. Развивалось сельское хозяйство и мелкое предпринимательство. Вейцман считал, что именно в работе на земле раскрывается подлинная душа народа — его язык, его поэзия, его литература, его «традиции» «… Я видел — пишет он — как исчезали болота Изреельской долины, как постепенно почва становится достаточно прочной, чтобы на ней появлялись все новые и новые домики с красными крышами; как огоньки в этих домиках сверкают в вечерних сумерках.»

9. Противодействие мандату и живая жизнь

Поскольку в это время уже существовала Лига Наций, было ясно, что она должна ратифицировать мандат на Палестину. Международную акцию, действительно, должно санкционировать международное сообщество. Но по мере продвижения работы над проектом и приближения его ратификации сионистам все чаще приходилось занимать круговую оборону. Во главе атакующих была арабская делегация из Палестины, прибывшая в Лондон. Она предъявляла бесчисленные претензии в министерство колоний, а также делала бесконечные антиеврейские заявления в парламенте, в журналистских и политических кругах. В Англии начало формироваться неблагоприятное общественное мнение. Англия должна отказаться от своих обязанностей по мандату, британский налогоплательщик платит слишком высокую цену за то, чтобы несколько хитрых восточноевропейских (о ужас, российских!) евреев угнетали палестинских арабов. Между прочим, английскому налогоплательщику мандат не стоил ни пенни — но разве тех, кто выступал против мандата, интересовало существо дела? Противодействие сионистам исходило и из других европейских столиц. И Вейцман решил посетить европейские столицы.

В Ватикане его ждал более чем прохладный прием. При беседах с итальянскими государственными деятелями выяснилось, что Британия частично отступила от своих обязательств. Вот что он пишет об этом: «В наших глазах „Белая книга“{5}[8] Черчилля значительно видоизменила Бальфурскую декларацию. Она исключала Трансиорданию из области деятельности сионистов и поднимала вопрос о создании Законодательного Совета для Палестины. Тем не менее она начиналась со ссылки на „Декларацию от 2 ноября 1917 года, которая не подлежит изменению“, и в ней говорилось, что „в Палестине будет основан еврейский Национальный очаг“ и что „еврейский народ будет находиться в Палестине по праву, а не по причине перенесенных страданий“. Затем следовало: „Иммиграция не будет превосходить экономических возможностей страны абсорбировать новоприбывших“.

Короче говоря, „Белая книга“ ограничивала поле нашей деятельности территорией к западу от Иордана и при этом утверждала принцип „экономического абсорбционного потенциала“. Но было ясно, что если сионисты не согласятся с

„Белой книгой“ Черчилля, то мандат не будет подтвержден. И пришлось согласиться. Несмотря на это, борьба продолжалась до последней минуты. До последней минуты сопротивлялся Ватикан. В последнюю минуту помогла Испания. Как часто в истории евреев проблемы решались в последнюю минуту!»

Между тем, Палестине и евреям в Палестине надо было как-то жить. Сложной проблемой была адаптация репатриантов из Европы. Они попадали в незнакомый климат, они должны были учиться, заниматься сельским хозяйством. Причем в очень тяжелых условиях. «И все это в то время — пишет Вейцман — когда люди в основном мигрировали из деревень в города». Чтобы построить будущее, сионисты должны были обратить время вспять. Вейцман подробно рассказывает о том, как была успешно решена эта задача — решена с помощью киббуцов. Неясно, впрочем, почему именно киббуц оказался такой удачной формой. Одна из возможных причин — коммунистические идеи, которые исповедовала значительная доля репатриантов и которые были адекватно реализованы в киббуцах. Заметим, что в настоящее время в Израиле несколько процентов работников трудятся в киббуцах. Тем самым получен ответ на вопрос, который не задали себе, к сожалению, классики марксизма-ленинизма. Это вопрос — многим ли людям нужен коммунизм? Ответ получен: да, такие люди есть, но их — несколько процентов.

Наконец, через семь лет после ратификации мандата сбылась одна из идей Вейцмана — было создано Еврейское Агентство. Согласно мандату, Еврейское Агентство было общественной организацией с весьма широким кругом полномочий. Оно должно было, работая в контакте с палестинской администрацией, привлекать к сотрудничеству всех евреев, которые хотят участвовать в создании еврейского Национального очага.

Вейцман хотел привлечь к работе в Еврейском Агентстве лидеров американского еврейства, являвшихся опорой «Джойнта». Он считал, что какую-то часть огромных денег, которые на европейских евреев тратил «Джойнт», стоило бы переправить на нужды Палестины. Разумеется, как и всегда, были у Вейцмана противники. Одни из них, как и раньше, выступали против политической деятельности, предлагая сосредоточиться исключительно на экономических функциях. Некоторые же считали неправильным обращаться к богатым американским евреям-ассимилянтам. Они опасались, что в результате сионистская деятельность превратится в чисто филантропическую. Сложной проблемой было приобщение к еврейской деятельности организаций, не считавших себя

сионистскими. Так или иначе Вейцману это удавалось, и сильнее всего его поддерживали евреи — жители Палестины, очень хорошо понимавшие, как нужны сионизму новые источники доходов и новые силы.

Двадцатые годы были периодом закладки фундамента еврейского Национального очага в Палестине. Вейцман особо выделяет открытие Еврейского университета. Это была его мечта. И как еврей, и как ученый, он прекрасно понимал, как важно образование для нашего народа. Первым сооружением, относящимся к университету, было здание «Мемориала Вольфсона» — библиотечного корпуса. Стоило только начать строительство, как со всех концов земли стали поступать книги. Следующим был открыт Институт ориенталистики. Затем — Институт микробиологии, Институт биохимии, Институт иудаики. Официально Еврейский Университет был открыт весной 1925 года. На открытии присутствовал лорд Бальфур, который после этого совершил поездку по стране. Вот что пишет об этой поездке в своих воспоминаниях Вейцман.

«Энтузиазм, с которым встречали Бальфура, не поддается описанию. На улице Герцля нас встретила группа еврейских женщин из Польши, которые плакали от радости; то одна, то другая из них прорывались вперед, чтобы осторожно коснуться корпуса машины или рукава Бальфура и благословить гостя. Видно было, что тот глубоко тронут.

На следующий день мы совершили короткую поездку в Ришон-ле-Цион и Петах-Тикву, а затем повернули на север, к Хайфе, где Бальфура ожидал не менее замечательный прием в Технионе, официально открытом почти одновременно с Еврейским университетом. Оттуда мы отправились в Изреельскую долину. На всем пути Бальфур вступал в беседу с поселенцами — во всяком случае, с теми из них, кто понимал английский. Он был поражен их видом и внутренним достоинством: стройные, загорелые, спокойные, уверенные в себе, они разительно отличались от беспокойных, нервных евреев городского типа. Их дети были явно детьми, выросшими на земле, — простые, скромные, естественно веселые. Бальфур проявлял живой интерес ко всем и ко всему. В конце поездки он обронил: „Мне кажется, первые христиане были чем-то на них похожи“».

Из этой цитаты — на неформальном уровне, разумеется, — видно и отношение Вейцмана к земле и работе на земле, и отношение Бальфура к увиденному.

Между тем, далеко на севере, в Германии, в 1923 году на политической сцене дебютировал Гитлер. В 1924 году была опубликована его книга, прожившая три четверти века и ныне

продающаяся открыто, наверное, лишь в одной стране мира — в России, в Москве. Некоторые видели уже тогда, к чему идет дело. На Сионистском конгрессе в 1923 году Нахум Соколов{6}[9] всю свою речь посвятил угрозе нового взрыва антисемитизма. Но лишь немногие евреи прислушались к предупреждениям сионистов.

Англия все время пыталась сузить сферу действия мандата, ограничить возможности репатриации и освоения Палестины евреями. В результате этого нарастала критика в адрес Вейцмана из среды сионистов. Они считали, что он недостаточно требователен в отношениях с Англией. Однако до поры до времени все трения и проблемы удавалось преодолеть и разрешить. В частности, в 1929 году начало функционировать Еврейское Агентство.

10. Арабский ответ и политика умиротворения

Арабские лидеры ответили на создание Еврейского Агентства погромами. Сто пятьдесят жертв, сотни раненых. А ведь Англия еще несет обязанности по мандату. Ее войска на месте, но они сохраняют «нейтралитет». Через два месяца после погрома метрополия неспешно посылает комиссию. Следует вполне двусмысленный доклад. Имели-де место столкновения… Англия уступает понемногу арабскому давлению. В знак протеста Хаим Вейцман подает в отставку с поста президента Еврейского Агентства. Буря протестов во всем мире. Правительство проводит серию обсуждений ситуации в Палестине с еврейскими лидерами. Наконец, правительству приходится отступить. Разрешена репатриация — 40 тысяч в 1934 и 62 тысячи человек в 1935 году. Не забывайте, какой год на календаре: каждый репатриант — это спасенная жизнь. Но не все это понимают…

И тем не менее крайние сионисты не довольны политикой, которую ведет Вейцман. Они полагают, что можно было бы добиться и большего. Известно, что критиковать почти всегда легче, чем делать. Многие считают, что слишком много внимания Вейцман уделяет именно «строительству» Национального очага. Отвечая им, Вейцман сказал следующее. «Верно, стены Иерихона пали от громких криков и трубного рева. Но я еще не слышал о стенах, воздвигнутых таким способом». В своих воспоминаниях он пишет: «Конечно, дело было не только в теоретических разногласиях. За ними скрывалось разочарование представителей среднего класса, которые искренне считали, что если бы не я, они мигом превратили бы Палестину в страну сказочных экономических возможностей для себя и тысяч себе подобных. На мой взгляд, это тоже свидетельствовало о полном непонимании происходящего. Я сказал на конгрессе: „Противники Еврейского Агентства презрительно говорят здесь об „устаревшем“ хиббатционском лозунге: еще дунам, и еще дунам, еще еврей и еще еврей, еще корова и еще коза, и еще два дома в Гедере. Быть может, они знают другой способ строить дом, я же знаю только один: класть кирпич за кирпичом. Быть может они знают другой способ построить страну, я же знаю опять-таки только один: дунам к дунаму, человек к человеку и ферма к ферме. Темпы строительства определяются не только политикой, но — в значительно большей степени — и экономикой. Частный капитал может создать отдельные предприятия, но только

общенациональный капитал способен создать условия для их процветания“».

Голос разума не всегда бывает услышан. Сионистский конгресс 1931 года избрал другого президента для Сионистской организации. Вейцман вернулся к химии. Странно — скажем мы — редко бывает, чтобы человек вернулся от общественной деятельности к науке. Может быть, это происходит потому, что серьезные ученые не уходят из науки в общественную деятельность, а несерьезным «некуда возвращаться»? Насиженное место исчезло за время протирания штанов в президиумах? Но Вейцман сумел вернуться, и сделать вполне серьезные работы.

Конечно, когда его о чем-то просили сионисты, он делал. Наступил 1933 год — год прихода Гитлера к власти. Вейцман возглавил Центральное бюро переселения немецких евреев. В своих воспоминаниях он довольно подробно рассказывает о судьбе евреев-ученых, вынужденных покинуть Германию, и делает вот такое интересное наблюдение. «Наши выдающиеся соплеменники всегда сочетали в себе наследие древней, традиционной талмудической учености, которую их предки культивировали в польских и галицийских гетто и в Испании, и современную западную университетскую науку, с которой пришли в соприкосновение их внуки. Родословные наших современных ученых зачастую пестрят именами талмудических мудрецов и раввинов. Во многих случаях сами эти ученые вышли из талмудических школ, с которыми они порвали в юности, пробившись в Париж, Цюрих или Принстон. Именно этот необыкновенный феномен — древняя научная традиция, оплодотворенная современными научными методами, — и дал нам первоклассных ученых и компетентных специалистов буквально во всех сферах академической деятельности и в количестве, далеко не пропорциональном нашей общей численности.» Немецкая алия сильно отличалась от предыдущей. Это был средний класс, скорее даже его верхняя часть. Люди, привыкшие к комфорту и уважению. Им недоставало гибкости и приспособляемости русских или польских евреев тех времен. Это были в основном люди немолодые, они не могли заниматься тяжелым физическим трудом. Но и они со временем абсорбировались.

В 1935 году Вейцман вернулся в должность президента Всемирной сионистской организации и Еврейского Агентства. Но и научную работу он не оставил. Выступая в этом же году на конгрессе, Вейцман сказал: «На Средиземное море надвигается буря, а мы занимаем на его берегу одну из ключевых позиций». Война в Абиссинии, война в Испании, Германия и Италия

вооружаются, демократические страны ведут себя недальновидно, идут на уступки.

Что же касается сионистского движения, то в нем все по-прежнему, и прежние разногласия никуда не делись. Но есть и обнадеживающие изменения. Вот что пишет о них Вейцман. «Недостаток терпения и веры всегда увлекал наше движение к пропасти. Но между этой пропастью и действительными достижениями в Палестине стояла фаланга тружеников, с которыми я ощущал себя глубоко связанным, — никогда, разумеется, не отождествляя себя с ними. Между тесной группой моих единомышленников в так называемом „общем сионистском движении“ и трудящейся массой поселений и предприятий Палестины, которая составляла главную силу сионистского движения вообще, постепенно установилось очень важное для нас взаимопонимание. Оно было гарантией нашего политического благоразумия, нашего трезвого подхода к реальности и нашей свободы от ревизионистских иллюзий и насильственных методов.

Это взаимопонимание не было просто личной связью между мной и рабочими лидерами с одной стороны и представителями Нахалала{7}[10], Эйн-Харода{8}[11] и Изреельской долины{9}[12] — с другой. Нас объединяла общность целей и чувств и, если бы не это, думаю, я не сумел бы справиться с выматывающей и изнурительной работой по сбору средств в Америке и в других странах. Я всегда помнил, что эти средства пойдут на возрождение Изреельской долины, Иорданской долины и других бесплодных районов. Порой, вспоминая тружеников, которых я встречал там, в Нахалале, с глазами, лихорадочно блестевшими от многонедельного недоедания, но сохранившими искры надежды, я ощущал, что на мою долю приходится частица их радостей и горестей».

Стоит обратить внимание на скромность автора этой цитаты. Он пишет «не отождествляя себя с ними…» И далее он пишет о них следующее. «Много написано о том, что сделали наши пионеры; и еще больше, к сожалению, забыто. Многие, даже серьезные сионисты, думали в те годы, что давние пионерские времена в Палестине прошли и что великие дни халуцим стали достоянием прошлого. Это было неверно не только тогда в 1935 году, — это неверно и сейчас в 1947-м. Достаточно побывать сегодня на Мертвом море, где молодежь, прибывшая из диаспоры, буквально вгрызлась в просоленную почву Содома и Гоморры, тысячелетиями не рождавшую ничего, и терпеливым трудом возрождает ее к жизни, — чтобы понять, что наша борьба продолжается». Первый президент Государства Израиль был справедливый человек. И он умел видеть мир в исторической

перспективе.

Одна из обязанностей президента Сионистской организации состояла в поддержании контакта с правительствами разных стран. Вот и приходилось Вейцману бывать то в Париже, то в Риме. Французы сионистов не любили и завидовали им. Итальянцы опасались усиления позиций Англии. Интриги, недоверие, политика — все, как всегда. И все это отражается на положении евреев.

Между тем в 1935 году опять начались арабские беспорядки. Представители Англии в Палестине пытались как-то утихомирить арабов. В их понимании это означало — идти на уступки. Удивительно современно выглядят некоторые наблюдения Вейцмана. Он замечает арабский тоталитаризм, понимает, как муфтий и клан Хусейна терроризируют арабские деревни и объясняет, как и на что это повлияло.

Между тем уступки Гитлеру со стороны Франции и Англии вдохновили арабов на восстание. Сыграло здесь роль и подстрекательство, и прямая финансовая помощь. Английские части не имели опыта партизанской войны. Британское правительство послало в Палестину очередную комиссию. Выступая перед комиссией, Вейцман начал с напоминания о шести миллионах евреев (горькое и подсознательно пророческое совпадение с числом уничтоженных вскоре Гитлером), «которых удерживают в местах, где они не хотят находиться, и для которых весь мир поделен на места, где они не могут жить, и места, куда их не пускают. Для этих людей сертификат на въезд в Палестину — величайшее благо. Лишь один из двадцати, один из тридцати получит его, и для него это означает спасение».

По итогам работы комиссии Пиля{10}[13] была выпущена «Белая книга» 1937 года. В ней с одной стороны, признавались еврейские достижения, а с другой — рекомендовались меры, которые шли вразрез с этим признанием. Например, признавалось, что еврейская эмиграция идет на пользу стране, улучшает положение арабов и тут же рекомендовалось ее ограничить. Такой диссонанс обычно бывает вызван тем, что пишущий не хочет раскрывать истинные мотивы своих выводов и предложений. Истинные же мотивы были очевидны — англичане понимали, что арабы способны создать им «проблемы» и не хотели вызывать их недовольства. Арабские террористы одержали свою первую большую победу.

Между тем, англичане прекрасно знали, как надо наводить порядок. Например, когда осенью 1936 года они провели решительную операцию против террористов, она дала отличные результаты. Еще проще было бы вооружить евреев. В «Белой

книге» 1937 года Англия предложила проект раздела Палестины, но в 1939 году сама от него отказалась. Однако иммиграционные ограничения были ужесточены. Пароходам, на которых евреи бежали из Европы и которым удалось доплыть до берегов Палестины, не разрешали пристать. Впрочем, все мы читали «Эксодус». Вейцман продолжает бороться, и иногда ему что-то удается. Но вот как описывает он это время. «Стоит ли объяснять, что я взывал к глухим? Британский высший свет лез из кожи вон, чтобы пробиться на приемы к Риббентропу в немецком посольстве; получить приглашение на них считалось знаком высшего отличия; а еврейскую кровь, засохшую на руках хозяев дома, старались не замечать, хотя она и взывала к небесам. … В те предвоенные дни наши протесты, стоило нам их заявить, рассматривались как провокация; наш отказ подписаться под нашим собственным смертным приговором рассматривался как досадная и неприятная помеха; мы вызывали раздражение. То угрозами, то уговорами нас пытались принудить к отказу от Палестины».

А между тем Гитлер вторгся в Чехословакию. Демократическая Англия промолчала. Что сказал по этому поводу Чемберлен? Его слова стоит запомнить. «Почему Англия должна рисковать ради спасения далекой страны, о которой мы почти ничего не знаем и язык которой не понимаем?» Гитлер скоро ответил Англии на этот вопрос. Немецкие бомбы посыпались на Англию.

11. Вторая мировая война и после нее

Понятно, что ни у одного народа не было в этой войне столько поставлено на карту, как у евреев. И в это же время Великобритания, тогдашний лидер антигитлеровской коалиции, закрыла ворота Палестины перед теми, кто пытался спастись. Уже не было необходимости умиротворять нацистов и их союзников — арабов. Но позиция Англии не изменилась.

Вейцман едет в Америку и пытается найти помощь там. Но Америка хотела соблюсти нейтралитет. Она не хотела воевать. Все думали, что коричневый волк покушает европейских красных шапочек и потеряет аппетит. А ведь нацисты ничего не скрывали — они в своих книгах и речах ясно говорили о мировом господстве. Пирл-Харбор рассеял американские иллюзии.

Вейцман возвращается в Англию и занимается химическими исследованиями по заказам военных. Работа идет успешно. Естественно, что он занимается не только наукой. Он пишет Черчиллю (который стал премьер-министром вместо Чемберлена) следующее. «В войне такого размаха, как нынешняя, трудно заранее предсказать, каково будет стратегическое расположение британской армии и флота. Если, однако, окажется необходимым временно оставить Палестину — ситуация, которая, будем надеяться, никогда не возникнет, — то палестинские евреи окажутся под угрозой поголовного истребления арабами, подстрекаемыми и руководимыми нацистами и фашистами. Эта вероятность подкрепляет наше требование предоставления евреям элементарного человеческого права иметь оружие, права, в котором аморально отказывать лояльным гражданам страны, находящейся в состоянии войны. Палестинские евреи могут выставить до 50 тысяч бойцов в лучшей боевой форме — сила, которой — при надлежащей подготовке, вооружении и руководстве — нельзя пренебрегать».

Есть ли в мире что-то, что движется медленнее шестерней канцелярской машины? Черчилль соглашается с вооружением евреев Палестины в 1940 году, а Еврейская бригада сформирована лишь через четыре года! И это в условиях войны!

В 1942 году Рузвельт приглашает Вейцмана в США для работы над проблемой синтетического каучука. В Америке Вейцман работает успешно. Вот как оценил его работу вице-президент Уоллес: «Мир никогда не узнает, какой значительный вклад внес доктор Вейцман в успешное осуществление

программы синтетического каучука в то время, когда эта программа зашла в тупик и продвигалась чрезвычайно медленно».

Между тем, тревожные новости поступали с Востока — Роммель приближался к Египту. Вот что пишет в своих воспоминаниях Вейцман. «Чего могли ожидать палестинские евреи от Роммеля после всего, что произошло с еврейскими общинами в покоренной Европе? В те дни, когда исход войны в Африке висел на волоске и прилагались все усилия, чтобы побудить Америку послать туда как можно больше танков и самолетов, я тоже внес в эти старания свою скромную лепту. Генри Моргентау представил меня генералу Маршаллу, и я объяснил тому, что ожидает Британию, если она не получит вовремя необходимое ей оружие. Маршалл выслушал меня внимательно и серьезно, почти не делая замечаний, внес в блокнот несколько пометок и поблагодарил за информацию. История о том, как американские боеприпасы были переброшены через Атлантический океан в Африку, как они поспели в самую последнюю минуту и как повернули ход войны, пересказывалась много раз. Но, пожалуй, никто не помнит этих мучительно напряженных дней лучше, чем палестинские евреи, для которых их почти чудесное спасение до сих пор звучит отголоском библейских рассказов о победе над Санхеривом{11}[14], уже стоявшим у врат Иерусалима.»

В последние годы войны, по мере того, как становился известным масштаб трагедии европейского еврейства, нарастало отчаяние. Это была не только трагедия боли — это была трагедия предательства. Сотни тысяч можно было бы спасти. Вейцман говорит: «я напоминаю об этом не для того, чтобы обвинять: наша трагедия слишком велика для сведения счетов. Я просто хочу быть понятым. Как и во всех человеческих трагедиях, мысль о том, что все могло быть по-другому, если бы меры были приняты вовремя, делает горечь нестерпимой.»

Но и послевоенное время стало временем разочарования для евреев. Помощь обещали и Рузвельт, и Черчилль. Война кончилась, прошла Ялтинская конференция, но ничего так и не было решено. В июле в Великобритании прошли выборы, к власти пришли лейбористы, которые всегда одобряли создание еврейского Национального очага. Но теперь правительство отказалось от своих обещаний. Американцы в мягкой форме предложили англичанам впустить в Палестину сто тысяч евреев. Англичане спокойно проигнорировали это предложение.

На Двадцать втором сионистском конгрессе евреи решили бороться с Англией. Вейцман опять выступил против этой идеи, и

конгресс выразил ему недоверие. Ну что ж? Он вернулся в Палестину, стал заниматься наукой и устройством нового научного института — будущего Института имени Вейцмана. В своих воспоминаниях он подробно рассказывает о создании института, и видно, что для него эта деятельность столь же важна, как и сионизм. И то сказать он, с его историческим мышлением, видимо, понимал, что Национальный очаг по существу уже создан. Понимание того, что именно сделано — редкое свойство человека.

Между тем, события идут своим чередом. Великобритания предоставляет решение палестинской проблемы ООН. Учреждается Специальный комитет по Палестине, он предлагает раздел страны на два государства. Вейцман выступает перед этим комитетом. Опять, как и всю жизнь, он разъясняет и убеждает. Он делает это не менее эффективно, чем всегда. В последний момент, когда от будущей территории хотят отрезать Негев и Акабу, он отправляется к Трумэну и — о чудо — ему удается склонить его на свою сторону. Но после того, как ООН приняла свое решение, Англия начала — и небезуспешно — саботировать его. Она отдала евреев на расправу арабам; Америка наложила эмбарго на поставку оружия в Палестину. Гибель ишува, казалось, была неминуема. Евреям предлагают «опеку». И тут Вейцман занимает принципиальную позицию — соблюдайте же свои собственные решения! Это чем-то похоже на героизм диссидентов в СССР — «соблюдайте свои законы!». Вот что пишет Вейцман.

«Мне было ясно, что любое отступление будет роковым. Наш единственный шанс — сейчас, как и в прошлом — состоял в том, чтобы ставить мир перед „свершившимся фактом“ и двигаться дальше. Независимость не даруют; она должна быть завоевана; а будучи завоевана, она нуждается в защите. Что же касается Соединенных Штатов, то я был уверен, что многие из тех, кто сегодня советует нам отказаться от независимости, будут уважать нас куда больше, если мы не последуем их совету. Я был убежден, что как только мы возьмем свою судьбу в собственные руки и провозгласим Республику, американский народ будет приветствовать нашу решимость и не преминет увидеть в нашей борьбе за независимость повторение той борьбы, которую он сам вел 175 лет назад. Я был убежден в этом настолько, что в то самое время, когда американская делегация на Генеральной Ассамблее ООН продолжала возражать против провозглашения нашей независимости, я уже начал подготавливать почву для будущего признания Соединенными Штатами еврейского государства.»

Вейцман пишет письмо Трумэну. Он предлагает, чтобы США

признали Государство Израиль. И это происходит!

* * *

Хаиму Вейцману повезло. Он увидел свои мечты реализованными — и Государство, и Университет. Он даже стал президентом этого государства, но это было — по меркам того времени, тех событий, тех людей — уже не столь важным.

В своих воспоминаниях доктор Хаим Вейцман, президент, пишет: «Бен-Гурион не стал скрывать расхождений, разделявших нас в предшествующие годы. Но закончил свое выступление словами: „Я не уверен, что доктору Вейцману так уж нужно это президентство, но президентство доктора Вейцмана морально необходимо Государству Израиль“. Я позволил себе процитировать эти слова, рискуя быть обвиненным в нескромности, только из желания подчеркнуть то единство цепей, которое по сути своей характерно для нашего движения при всем множестве существующих в нем разногласий. Не стану отрицать того, что эго избрание наполнило меня чувством глубокой гордости и смирения».

* * *

Когда размышляешь над судьбой и делами этого человека, и вдруг случайно обращаешь взгляд на сегодняшний экран или в газету, даже не хочется смеяться. Сколько сил тратят иные люди на то, чтобы занять тот или иной пост, в какое посмешище они при этом превращаются, как все это безумно уродливо…

У героя нашего повествования был другой масштаб для определения важности событий. Он создавал Государство для Народа.

Приложение № 1
Хаим Вейцман: краткая биографическая справка

ВЕЙЦМАНХаим (1874, Мотол, Пинской губернии, — 1952, Реховот), первый президент Государства Израиль, президент Всемирной сионистской организации (1920-31, 1935-46), химик.

Вейцман был третьим ребенком в семье, насчитывавшей 15 детей. Глава семьи, Озер (1850–1911), был лесосплавщиком в Мотеле. Приблизительно в 1894 он переехал в Пинск. Мать Бейцмана, Рахел-Леа (Чмеринская; 1852–1939), родилась в Мотоле, переселилась в Палестину в 1920 и основала в Хайфе первый дом для престарелых. В доме Вейцманов царила атмосфера еврейской традиции, в которую, однако, проникли веяния просвещения и идеи еврейского национального возрождения. Получив традиционное еврейское воспитание в хедере, Вейцман поступил в реальное училище в Пинске, а по окончании его в 1892 продолжал образование в Германии. В Берлине Вейцман подпадает под влияние Ахад-ха'Ама. К 1896, когда в еврейский мир был брошен Теодором Герцлем лозунг создания еврейского государства, Вейцман уже проникся идеями сионизма и немедленно примкнул к сионистской организации. Он не имел возможности принять участие в 1-ом Сионистском конгрессе в Базеле (1897), но уже год спустя был делегатом 2-го Конгресса. В том же году, находясь в Швейцарии. Вейцман завершает докторат, продает свой первый патент в области химии, а в 1901 начинает свою академическую карьеру в должности ассистента в Женевском университете, С этого времени Вейцман на протяжении всей своей жизни почти беспрерывно совмещает активную общественную деятельность в области сионизма с упорной научно-исследовательской работой. Накануне 5-го Сионистского конгресса в Базеле (1901) Вейцман и его единомышленники образовали Демократическую фракцию, которая была в оппозиции Герцлю, считавшему важнейшей задачей сионистского движения политическую деятельность, направленную на достижение «чартера», т. е. утвержденного Турцией законного права евреев на массовое заселение Палестины. Уже на этом этапе деятельности Вейцмана сформировались его взгляды, которых он в основном придерживался в течение многих десятилетий своей работы в руководстве сионистским движением. Придавая большое

значение политической работе, Вейцман в той же мере подчеркивал важность мероприятий, направленных на возрождение еврейской культуры и еще большее внимание уделял практической деятельности по созданию и укреплению ишува: алие, созданию новых сельскохозяйственных поселений, экономических предприятий и научно-культурных институций в рамках тех возможностей, которые предоставляет враждебное сионизму турецкое правительство. Даже если существует возможность получения «чартера», которого добивается Герцль, — утверждал Вейцман, — это будет лишь форма, которую нам предстоит заполнить содержанием. Наши достижения должны «вырастать на почве Эрец-Исраэль, базироваться на еврейском населении, укорененном в этой почве, и на институциях, созданных евреями для самих себя». В 1903, когда в сионистском движении произошел раскол в результате плана колонизации Уганды, предложенного английским правительством, Вейцман присоединился к противникам этого плана, усматривавшим в нем измену сионистскому идеалу возвращения в Эрец-Исраэль. На вопрос, заданный ему в 1906 лордом Бальфуром, впоследствии министром иностранных дел Великобритании, о причине его сопротивления этому плану, Вейцман ответил: «Разве Вы были бы готовы покинуть Лондон, если бы Вам предложили Париж?». — «Но ведь Лондон столица моего государства», — сказал Бальфур. «Иерусалим, — заявил Вейцман, — был столицей нашего государства, когда Лондон был еще болотом».

В 1906 Вейцман переехал в Англию и занялся исследовательской работой в Манчестерском университете. В том же году он женился на студентке медицинского факультета Манчестерского университета Вере Хацман из Ростова-на-Дону.

В этот период начинает складываться пробританская ориентация Вейцмана. Либерально-демократический строй Великобритании, уравновешенность английской общественной жизни, сочетание эмпирического прагматизма с романтическим идеализмом в некоторых выдающихся английских государственных деятелях — все это соответствовало духовному складу Вейцмана и вызывало в нем глубокую симпатию. Пробританской ориентации Вейцман оставался в некоторой мере верен в течение многих лет, даже в пору своего глубокого разочарования британской политикой по отношению к сионизму и в период жестокой борьбы еврейского населения Палестины с британскими властями.

После 8-го Сионистского конгресса (1907) Вейцман впервые посетил Палестину, что побудило его еще активнее настаивать на

практической деятельности по заселению страны. В 1914 Вейцман принял участие в борьбе за преподавание на иврите всех предметов в открывшемся Политехническом институте (Технион) в Хайфе. Как ученый, он понимал трудности, связанные с преобразованием иврита в язык современной науки, однако он с еще большей ясностью сознавал, что сионистское движение утратит свою духовную основу, если оторвется от корней еврейской культуры прошлого.

Во время 1-й мировой войны Вейцман изобрел новый способ получения ацетона, необходимого для производства боеприпасов. Это изобретение было высоко оценено английским правительством и помогло Вейцману создать контакты с правительственными кругами, в том числе с некоторыми министрами. Сионистская организация в целом заняла нейтральную позицию в войне. Вейцман совместно с некоторыми другими английскими сионистами, а также с В. Жаботинским, который прилагал усилия к формированию еврейского легиона в рядах британской армии для освобождения Палестины от турецкого владычества, пытались возбудить интерес британского правительства к сионизму. Крупнейшим успехом этой деятельности явилась опубликованная 2 ноября 1917 Декларация Бальфура о доброжелательном отношении английского правительства к созданию еврейского национального очага в Палестине. Декларация Бальфура была первым значительным политическим достижением сионистского движения. Еврейство всего мира приписывало его главным образом Вейцману. Взрыв национального энтузиазма носил чуть ли не мессианский характер, и Вейцман со свойственной ему эмпирической уравновешенностью счел необходимым умерить всеобщее воодушевление призывом к реальным мероприятиям и практической работе: «Государство не может быть создано путем деклараций… Даже если все правительства мира отдали бы нам страну, этот дар не имел бы большого значения; но если еврейский народ отправится отстраивать Палестину, еврейское государство превратится в реальную действительность».

С опубликованием Декларации Бальфура Вейцман стал не только одним из самых популярных лидеров сионистского движения, хотя не занимал высокого поста в его центральных органах, но и одним из общепризнанных вождей еврейского народа. В 1918 г. Вейцман возглавляет сионистскую комиссию, которую английское правительство направило в Палестину для исследования перспектив будущего заселения и развития страны. В Акабе Вейцман встретился с эмиром Фейсалом, сыном шарифа Хусейна из Мекки, признанным вождем арабского национализма,

который дал Вейцману письменное обязательство признать цели сионизма в Палестине при условии, что стремления арабского национализма будут осуществлены в Ираке и Сирии. В 1918 при непосредственном участии Вейцмана были заложены основы Еврейского университета в Иерусалиме. В 1919 Вейцман возглавил сионистскую делегацию на мирной конференции в Версале. Выступления членов этой делегации были сочувственно прослушаны особым комитетом союзных государств-победителей, и на последовавшей в 1920 международной конференции в Сан-Ремо было решено вручить Британии мандат на управление Палестиной на основе Декларации Бальфура. Английский государственный деятель, активно содействовавший опубликованию этой Декларации, еврей Герберт Сэмюэл был назначен первым британским верховным комиссаром Палестины.

В 1920 на сионистской конференции в Лондоне Вейцман был избран президентом Сионистской организации. Однако уже на первых этапах работы по осуществлению вековых надежд еврейского народа в сотрудничестве с мандатной державой Вейцмана ожидало горькое разочарование, и вскоре он оказался в положении, требовавшем борьбы одновременно в трех направлениях. Первым из них была политика руководства арабов Палестины, которое активно противилось заселению страны евреями. Это сопротивление принимало формы нападений на евреев, погромов и кровавых столкновений (1920, 1921, 1929, 1936-39). Вторым была политика Британии, которая в стремлении умиротворить арабов отреклась от данных ею обязательств и все более сужала смысл термина «еврейский национальный очаг в Палестине». Вейцман прилагал огромные дипломатические усилия, стараясь смягчить явно антисионистскую политику Британии, оставаясь, однако верным пробританской ориентации и принципам практической деятельности для строительства национального очага в границах дозволенного «дом за домом, дунам за дунамом». Третьим была внутриполитическая борьба в ишуве и в сионистском движении. Принципы Вейцмана были усвоены еврейским рабочим движением ишува, создававшим и развивавшим свои сельскохозяйственные поселения, коллективные (Киббуцы) и кооперативные (Мошавы), и другие экономические и социальные предприятия, но вызвали резкое сопротивление партии Сионистов-ревизионистов, требовавшей демонстративного объявления конечной цели сионизма («Еврейское государство по обоим берегам Иордана и активная борьба с Англией наподобие той, которую вела в 20-е гг. Ирландия»). Ревизионистская партия, как и некоторые другие группы сионистов, выступала также против основанного

Вейцманом «расширенного» Еврейского Агентства, в рамках которого Вейцман пытался заручиться поддержкой как сионистов, так и несионистов в создании национального очага.

В 1930 после опубликования английским правительством белой книги Пасфилда, обусловливавшей репатриацию евреев в Палестину «экономической емкостью» страны, Вейцман в виде протеста против британской политики сложил с себя обязанности президента Всемирной сионистской организации. Тогдашний премьер-министр Великобритании Рамсей Макдональд, вынужденный считаться с проеврейским общественным мнением в самой Англии, направил Вейцману письмо, в котором пытался заверить его в верности Англии основным принципам мандата и Декларации Бальфура. В 1931 в Базеле состоялся 17-й Сионистский конгресс, на котором после бурных дебатов Вейцман не был переизбран президентом. Лишь четыре года спустя Вейцман снова официально стал во главе сионистского движения. Все эти годы Вейцман продолжал заниматься также научной работой. Он основал Институт им, Даниэля Зифа в Реховоте, в дальнейшем ставший частью Научно-исследовательского института им. Вейцмана. В 1937 Вейцман поселился в Реховоте. В том же году Британская королевская комиссия во главе с лордом Пилем, назначенная для расследования беспорядков в Палестине, рекомендовала создание еврейского государства в Палестине на мизерной территории в 6,5 тыс. кв. км. Вейцман выступил перед этой комиссией с блестящим докладом, в котором особо подчеркнул, что успехи гитлеризма и катастрофическое положение восточно-европейского еврейства превращает разрешение еврейского вопроса в неотложную задачу всего мира. На 20-м Сионистском конгрессе (1937) Вейцман предложил принять рекомендацию комиссии, усматривая в ней возможность, с одной стороны, возрождения еврейской государственности, а с другой — спасения евреев Восточной Европы. Конгресс принял предложение Вейцмана, но руководители арабов категорически отвергли его. В духе своей мюнхенской политики ублажения агрессоров правительство Великобритании решило и на этот раз уступить арабам и вместо предложенного плана раздела Палестины выпустило Белую книгу (1939), согласно которой въезд евреев в Палестину обуславливался впредь согласием арабов и фактически почти полностью запрещалась продажа земли. Проанглийская ориентация Вейцмана становилась все менее популярной. Все его старания хоть в какой-либо мере изменить антиеврейскую политику Британии терпели неудачу. Даже истребление евреев на оккупированных нацистами территориях Европы во время Второй мировой войны не смягчило

жесткой позиции английских властей. Все же в некоторой мере благодаря деятельности Вейцмана в конце войны в рядах британской армии была сформирована Еврейская бригада, принявшая участие в боевых действиях. Однако главные усилия Вейцмана сосредоточивались отныне на контактах с США, где он добился некоторых успехов, особенно в послевоенный период, когда еврейское население Палестины и Всемирная сионистская организация начали открытое сопротивление британскому правительству, включая вооруженное восстание еврейских подпольных военных организаций.

Большинство делегатов состоявшегося после войны в Базеле 22-го Сионистского конгресса (декабрь 1946) все еще видело в Вейцмане сторонника английской ориентации, и во второй раз за 26 лет он не был переизбран президентом Всемирной сионистской организации. Однако, когда Британия в 1947 передала вопрос о будущем Палестины на рассмотрение ООН, Вейцман представил свою детально разработанную точку зрения специальной комиссии ООН, а также принял активное участие в деятельности еврейской делегации в ходе работы Генеральной Ассамблеи, обсуждавшей рекомендацию этой комиссии о разделе Палестины на два независимых государства — еврейское и арабское. Выступления престарелого ученого и общественного деятеля произвели глубокое впечатление. 29 ноября 1947 ООН большинством голосов приняла резолюцию о разделе. Последними достижениями Вейцмана в сионистской дипломатии были включение пространств Негева в территорию предложенного ООН еврейского государства и обеспечение признания США провозглашенного 14 мая 1948 Государства Израиль. В день провозглашения Государства Израиль президент Трумэн в ответ на личное письмо Вейцмана подтвердил признание Израиля США, а в конце того же дня прибыла телеграмма от руководителей рабочих партий Израиля, сообщавшая об их намерении выдвинуть кандидатуру Вейцмана на пост президента нового государства. Через несколько дней Вейцман был принят Трумэном в качестве президента Временного государственного совета Государства Израиль. Вейцман заручился обещанием Трумэна финансировать начало экономического развития нового государства путем займа в 100 млн. долларов, а также установить полные дипломатические отношения с Израилем, как только будет избрано его первое демократическое правительство. В феврале 1949 Вейцман был избран парламентом Израиля на пост президента государства. Но преклонный возраст и болезни мешали ему регулярно заниматься государственными делами. После продолжительной и тяжелой

болезни Вейцман умер 9 ноября 1952 г. Он был похоронен, по его завещанию, в саду его дома при Научно-исследовательском институте в Реховоте.

Вейцман во многом воплощает еврейскую историю первой половины XX века. Уроженец еврейского местечка в российской черте оседлости, Вейцман достиг международного признания как ученый и как лидер еврейского национального освободительного движения и умер на посту президента Государства Израиль, созданию которого он посвятил всю свою жизнь. В его личности сочетались аристократизм с глубоким сознанием своей принадлежности к народным массам, аналитический ум с фольклорным юмором, укорененность в еврейской культуре и традиции с высшими идеалами европейской цивилизации — гуманизмом, либерализмом и демократией, реалистический скептицизм ученого-эмпирика с глубокой верой в национальное возрождение еврейского народа и в конечную победу доброго начала над злым в истории человечества.

Среди опубликованных трудов Вейцмана большой популярностью пользуется его автобиография «Испытания и ошибки» (1-е английское издание 1949; опубликована также на иврите, идиш и ряде европейских языков). Опубликован ряд сборников его речей и начата (1969) публикация его писем и документов. Опубликовано большое количество работ Вейцмана в разных областях химии. Ему принадлежало также около 100 патентов в области промышленного применения ряда химических процессов.

Приложение № 2
Методические рекомендации лектору

Эта книга немного больше, чем только биография профессора Хаима Вейцмана, первого президента Государства Израиль. Поэтому цель лекции состоит не только в том, чтобы ознакомить слушателей с биографией этого великого человека.

Во-первых, одновременно слушатели знакомятся с некоторой частью истории Государства Израиль, точнее — с определенными аспектами этой истории. Главным образом, с политическим, отчасти идеологическим и, в меньшей степени, экономическим аспектами. Параллельное рассмотрение истории страны и биографии человека, причастного к ее истории, способствует усвоению и того и другого материала и делает обучение более интересным.

Во-вторых, слушатели обнаруживают, что многие их собственные жизненные проблемы и ситуации (личные или общественные) имеют исторические аналоги. С одной стороны, это улучшает усвоение учебного материала, с другой — увеличивает эффективность наших действий, увеличивает наши способности решения жизненных задач.

Наконец, в-третьих, слушатели приобретают навык взгляда под этим углом зрения на любую биографию. А это увеличивает пользу от чтения биографических трудов, потому что порождает ощущение связанности своей личной биографии и хода истории своего народа. В конечном счете, все это способствует возникновению чувства осмысленности его собственной национальной жизни.

Разумеется, при чтении лекции конкретные жизненные примеры, использованные в тексте, могут быть заменены лектором на другие, лучше знакомые ему или более понятные слушателям. Могут быть использованы примеры и из областей, вовсе не затронутых в тексте. Например, можно рассмотреть другие национальные движения за самоопределение, их отличия от еврейского (отсутствие лидеров международного класса или недостаток практической деятельности) и соответствующие результаты. Если лектор практикует диалог с аудиторией, какие-то примеры могут быть предложены и слушателями. Показателем успешного восприятия лекции слушателями будет активное обсуждение мотивов и поступков, средств достижения целей и

результатов практической деятельности людей, творящих историю.

Литература

1. Вейцман Хаим. В поисках пути. Т. 1–2. Библиотека Алия. Иерусалим. 1990.

2. Из истории Государства Израиль: Хаим Вейцман. Лексикон. Иерусалим. 1988.

3. Краткая еврейская энциклопедия. Под ред. Ицхака Орена (Наделя), Михаэля Занда. Т.1. Общество по исследованию еврейских общин. Иерусалим. 1976. Статья «Вейцман Хаим».

4. Российская еврейская энциклопедия. Под ред. Германа Брановера, Зеева Вагнера. Т.1. «ЭПОС». Москва. 1993. Статья «Вейцман Хаим».

Summary

The pamphlet may be used as a handbook by a person intending to read a lecture on Chaim Weizmann's life or about the establishment of the State of Israel. Besides biographical data it contains important historical information, numerous quotations from a book by Weizmann «Trial and Error», different historical parallels.

Besides pursuing an educational aim the pamphlet attempts to show how a biography of a person may serve to draw historical conclusions and parallels. Ideally, after such a lecture a listener must acquire an ability to analyze biographical books from this particular point of view.

As a supplement this pamphlet includes an article «Chaim Weizmann» from The Shorter Encyclopaedia Judaica.

Издано при содействии
Американского Еврейского
распределительного комитета
(ДЖОЙНТ)

Published with the assistance of
the American Jewish Joint
Distribution Committee (JDC)

Ассоциация объединяет
Народные университеты
Центральной России и
Поволжья, Урала,
Молдовы, Южной,
Восточной и Юго-Восточной
Украины, Беларуси,
Грузии, Армении,
Азербайджана

Leonid Ashkinazi

The First President (*Chaim Weizmann*)

Lecture

Moscow
2000

notes

Примечания

1

Хиббат-Цион, «палестинофильство», течение, возникшее в России в начале 80-х годов XIX века. Из этого течения развился сионизм.

2

Этой проблеме посвящена книга В.Лазариса «Диссиденты и евреи», на обложке которой изображен ее автор, беседующий с А.Д.Сахаровым.

3

В подпольное время некоторые книги из этой серии (например «Эксодус» и «Операция Энтеббе») издевались фото способом вполне пристойными (особенно по нынешним временам!) тиражами.

4

Рабби Иоханан бен Закай (I век) — ученик Гиллеля, либо — Гиллеля и Шаммая. Надеялся на мирное разрешение конфликта с Римом, но, по-видимому, не исключал возможности захвата Иерусалима и гибели Храма, поскольку знаменитая фраза «дай мне Явне и его ученых», могла быть сказана им Веспасиану только до осады Иерусалима.

5

План Уганды — проект создания автономной еврейской колонии в британском протекторате Уганда (1903 год). Был предложен Британией и поддержан Герцлем.

6

Человек, профессионально собирающий деньги на какое-то значительное общественное дело.

7

Алленби Эдмунд Генри Хайнман (1861–1936), виконт, английский полководец. В целом считал, что создание еврейского Национального очага не в интересах Британской империи, но в некоторых выступлениях высказывал понимание целей сионизма.

8

«Белая книга» — регулярный отчет о политических мероприятиях британского правительства, представляемый парламенту. Некоторые из этих отчетов сыграли важную роль в истории подмандатной Палестины. Здесь имеется в виду Белая книга 1922 года.

9

Нахум Соколов — сионист, политик, редактор, издатель, исследователь еврейской культуры. Перевел на иврит роман-утопию Герцля «Альтнойланд», дав ей в переводе название «Тель-Авив», ставшее в 1910 году именем города. Само название «Тель-Авив», видимо, было взято им из книги пророка Иезекииля (3:15).

10

Нахалал — первый мошав в Израиле (Изреельская долина, 1921 год).

11

Эйн-Харод — первый киббуц в Израиле (Изреельская долина, 1921 год).

12

Изреельская долина — отделяет горные массивы Галилеи от гор Самарии, образует проход от реки Иордан к Хайфскому заливу. В ней были основаны поселения Мерхавия (1911) и Тель-Адашим (1913), первые киббуцы и мошавы.

13

Комиссия Пиля — была направлена Британией в Палестину для расследования ситуации, возникшей после арабского восстания. Дала объективную картину, но рекомендовала раздел Эрец-Исраель между евреями и арабами.

14

Санхерив — ассирийский царь, в 701 году до н. э. предпринял поход на Иерусалим. Согласно одним источникам, поход был для него неуспешен, согласно другим — успешен. Историки полагают, что имели место два похода с разными результатами.

comments

Комментарии

1

Хиббат-Цион, «палестинофильство», течение, возникшее в России в начале 80-х годов XIX века. Из этого течения развился сионизм.

2

Рабби Иоханан бен Закай (I век) — ученик Гиллеля, либо — Гиллеля и Шаммая. Надеялся на мирное разрешение конфликта с Римом, но, по-видимому, не исключал возможности захвата Иерусалима и гибели Храма, поскольку знаменитая фраза «дай мне Явне и его ученых», могла быть сказана им Веспасиану только до осады Иерусалима.

3

План Уганды — проект создания автономной еврейской колонии в британском протекторате Уганда (1903 год). Был предложен Британией и поддержан Герцлем.

4

Алленби Эдмунд Генри Хайнман (1861–1936), виконт, английский полководец. В целом считал, что создание еврейского Национального очага не в интересах Британской империи, но в некоторых выступлениях высказывал понимание целей сионизма.

5

«Белая книга» — регулярный отчет о политических мероприятиях британского правительства, представляемый парламенту. Некоторые из этих отчетов сыграли важную роль в истории подмандатной Палестины. Здесь имеется в виду Белая книга 1922 года.

6

Нахум Соколов — сионист, политик, редактор, издатель, исследователь еврейской культуры. Перевел на иврит роман-утопию Герцля «Альтнойланд», дав ей в переводе название «Тель-Авив», ставшее в 1910 году именем города. Само название «Тель-Авив», видимо, было взято им из книги пророка Иезекииля (3:15).

7

Нахалал — первый мошав в Израиле (Изреельская долина, 1921 год).

8

Эйн-Харод — первый киббуц в Израиле (Изреельская долина, 1921 год).

9

Изреельская долина — отделяет горные массивы Галилеи от гор Самарии, образует проход от реки Иордан к Хайфскому заливу. В ней были основаны поселения Мерхавия (1911) и Тель-Адашим (1913), первые киббуцы и мошавы.

10

Комиссия Пиля — была направлена Британией в Палестину для расследования ситуации, возникшей после арабского восстания. Дала объективную картину, но рекомендовала раздел Эрец-Исраель между евреями и арабами.

11

Санхерив — ассирийский царь, в 701 году до н. э. предпринял поход на Иерусалим. Согласно одним источникам, поход был для него неуспешен, согласно другим — успешен. Историки полагают, что имели место два похода с разными результатами.